LR
L882Lmir

Lotarev, Igor' Vasil'evich

Миррелія.

Title transliterated:

Mirreliya.

3 1761 08821027 3

ИРРЭЛІЯ

ИГОРЬ
СѢВЕРЯНИНЪ

АНІЕ МАГ. „МОСКВА“ В БЕРЛИНѢ

Lotarev, Igor' Vasil'evich
III

ИГОРЬ-СѢВЕРЯНИНЪ.

МИРРЭЛІЯ

Mirreliya

Новыя поэзы.

«Книги Игоря Сѣверянина»
Томъ VII.

«Изд-во "Москва" в Берлине»
«1922»

LR
L8824mir

620705
17.10.55

I.

КОРОНА ЕЯ СВѢТОЗАРНОСТИ.

УВЕРТЮРА.

Миррэлія — свѣтлое царство,
Край ландышей и лебедей,
Гдѣ нѣтъ ни больныхъ, ни лекарства,
Гдѣ люди не вродѣ людей.

Миррэлія — царство царицы
Прекрасной, премудрой, святой,
Чье имя въ вѣкахъ загорится
Для міра искомой Мечтой!

Миррэлія — вѣчная Пасха,
Гдѣ губы влекутся къ губамъ.
Миррэлія — дивная сказка,
Разсказанная мною вамъ.

Миррэлія — грёза о югѣ
Сквозь сѣверный мой кабинетъ.
Миррэлія — можетъ быть, въ Лугѣ,
Но Луги въ Миррэліи нѣтъ! . . .

Качаетъ тамъ лебедя слива,
Какъ символъ восторговъ любви. . .
Миррэлія! какъ ты счастлива
Въ небывшемъ своемъ бытіи!

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

УВЕРТЮРА.

Миррэлія — свѣтлое царство,
Край ландышей и лебедей,
Гдѣ нѣтъ ни больныхъ, ни лекарства,
Гдѣ люди не вродѣ людей.

Миррэлія — царство царицы
Прекрасной, премудрой, святой,
Чье имя въ вѣкахъ загорится
Для міра искомой Мечтой!

Миррэлія — вѣчная Пасха,
Гдѣ губы влекутся къ губамъ.
Миррэлія — дивная сказка,
Разсказанная мною вамъ.

Миррэлія — грёза о югѣ
Сквозь сѣверный мой кабинетъ.
Миррэлія — можетъ быть, въ Лугѣ,
Но Луги въ Миррэліи нѣтъ! . . .

Качаетъ тамъ лебедя слива,
Какъ символъ восторговъ любви. . .
Миррэлія! какъ ты счастлива
Въ небывшемъ своемъ бытіи!

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ПОЭЗА ИХЪ ОПРАВДАНІЯ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Эрикъ пріѣхалъ къ Ингридъ въ ея
Сіяижъ,
И Грозоправа похоронили въ дворцовомъ склепѣ,
Ее тянуло куда-то въ степи,
Въ такія степи, какихъ не видишь, какихъ не знаешь.

Я не сказалъ бы, что своенравный поступокъ мужа
(Сказать удобнѣй: не благородный, а своенравный)
Принесъ ей счастье: онъ былъ отравный, —
И развѣ можно упиться счастьемъ, вдыхая ужасъ?!..

Она бродила въ зеркальныхъ залахъ, въ лазурныхъ сли-
вахъ,
И — ахъ, нерѣдко! — надъ ручейками глаза журчали...
Изъ нихъ струился алмазъ печали...
О, эта роскошь не для утѣшныхъ, не для счастливыхъ!

Разгнѣванъ Эрикъ и осуждаетъ онъ Грозоправа:
— Такая жертва страшнѣе мести и ядовитѣй.
Поютъ поэты: «Любовь ловите!»
Но для чего-же, когда въ ней скрыта одна отрава?

Вѣдь есть же совѣсть на этомъ свѣтѣ — царицъ царица,
Любви эмблема, эмблема жизни! вѣдь есть-же совѣсть!..
И ей подвластна и Ингридъ, т.-е.,
И королева должна послушно ей покориться.

Но стонетъ Ингридъ: «Въ твоей кончинѣ не виновата, —
Я разлюбила и эту правду тебѣ открыла,
Не измѣнила и не сокрыла
Любви къ другому. Я поступила, о мужъ мой, свято!

Въ такіе миги съ его портрета идетъ сіянье,
Сквозитъ улыбка въ чертахъ угрюмыхъ, но добродушныхъ.
Онъ точно шепчетъ: «вѣдь мнѣ не нужно,
Чтобъ ты страдала, моя голубка, — утишь страданья.

Не осуждаю, не проклинаю, — благословляю
Союзъ твой новый и болѣ правый, чѣмъ нашъ неравный!
Твой Эрикъ юный, твой Эрикъ славный
Веснѣ подобенъ, какъ ты, царица, подобна маю» . . .

Тогда любовью и тихой скорбью царицы выгрѣтъ
Подходитъ Эрикъ, раскрывъ объятья, къ своей любимой
И шепчетъ съ грустью невыразимой:
— Мы заслужили страданьемъ счастье, о другъ мой, Ингридъ! —

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ЭПИТАЛАМА ИНГРИДЪ.

Какъ нѣкогда Балькисъ стремилась къ Соломону,
Я къ Эрику неслась на парусахъ души.
Я видѣла во снѣ полярную корону
И ледяной дворецъ и музыку тиши.
Я слушала, дрожа, предчувствіемъ томима,
Предчувствіемъ того, что вѣчно буду съ нимъ.
И вотъ сбылся мой сонъ: я королемъ любима!
И стала я его! и сталъ король моимъ!
О, какъ же мнѣ воспѣть вѣнецъ моихъ стремленій,
Вѣнецъ моей любви и торжества вѣнецъ?
Я славлю царство льда, фіордовъ и оленей.
Любовникъ мой! мой братъ! товарищъ и отецъ!
Я славлю бѣлый край, въ которомъ ты королишь
И подношу я въ даръ тебѣ свою страну,
Молю тебя, какъ ты одно лишь небо молишь:
Владѣй мной цѣликомъ! люби меня одну!
Рабою припаду къ блистательному трону, —
Цѣлуй меня иль бей! ласкай иль задуши!
Подобна я Балькисъ, какъ Эрикъ — Соломону,
Душа моей мечты! мечта моей души!

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

СѢВЕРНЫЙ ТРІОЛЕТЪ.

Что Эрикъ Ингридъ подарилъ?
Себя, свою любовь и Сѣверъ.
Что помечталось королевѣ,
Всё Эрикъ Ингридъ подарилъ.
И часто въ рубкѣ, у перилъ
Надъ моремъ, чей-то голосъ дѣвій
Я слышу: «онъ ей подарилъ
Себя, любовь свою и Сѣверъ».

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ПОЭЗА О ВАЛЬДШНЕПѢ И ЗАЙЧИКѢ.

Синеглазый вальдшнепъ и лукавый зайчикъ,
Маленькій кусайчикъ,
Весело играя, бѣгали въ столовой.
Гасъ закатъ лиловый.
Вальдшнепъ длинноклювый, зайчикова цвѣта,
Сожалѣлъ, что лѣто
Онъ уже отбѣгалъ, — бѣгая, отлѣтилъ,
Милую не встрѣтилъ...
А лукавый зайчикъ, шорсткою какъ вальдшнепъ,
Думалъ, что-то дальше,
Осенью-зимою, будетъ съ нимъ такое:
Жизнь или жаркое...
Но въ дверяхъ столовой на ковровомъ тигрѣ
Появилась Ингридъ,
И ея любимцы, и ея питомцы
Вновь познали солнце!
И легко подпрыгнувъ, бросился къ ней зайчикъ,
Ласковый кусайчикъ,
А за нимъ и вальдшнепъ поспѣшилъ къ хозяйкѣ
На спинѣ у зайки...

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ПОЭЗА РЫБНОИ ЛОВЛИ.

И крапчатыхъ форелей, и пильчатыхъ стерлядокъ
На удочку искусно вылавливать привыкла
Королева Миррэльская.
И до луны іюльской, сообщницы загадокъ,
Когда ея сіянье остритъ у кедра иглы,
Вёслитъ лодка корельская.
Въ невинномъ развлеченьи такъ много чарованья,
Такъ много ожиданья и острыхъ ощущеній, —
Хорошо ей надъ струями...
И до заката солнца, въ очаренномъ молчаньи
Сидитъ она на лодкѣ въ бездумномъ упоеньи,
Рыбной ловлей волнуема...
Лишь поплавокъ сафирный, стерлядкою влекомый,
Молніеносно канетъ во влагу малахита,
Загорится красавица.
О, эти ощущенья ей хорошо знакомы!
И съ рыбою ведёрко, луною все облито,
Королевѣ такъ нравится.
Любовно фаворитка головку на колѣни
Царицѣ положила, легка какъ балерина,
Королевѣ сочувствуя...
И обѣ — въ чарованьи, и обѣ — въ мягкой лѣни:
И Ингридъ — королева и фрейлина Эльгрина,
Дѣвушка алоустая...

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

РЯБИНОВАЯ ПОЭЗА.

Изъ октябрьской рябины
Ингридъ варитъ варенье
Подъ осеннихъ тумановъ сталь — сѣдое куренье
И подъ Эрика шопотъ, точно гуль голубиный...

Никому не позволитъ
Ей помочь королева.
Оттого и варенье — слаще грёзонапѣва...
Всѣхъ улыбкой малинитъ, всѣхъ глазами фіолитъ...
(Не варенье, а Ингридъ!..)
А у Ингридъ варенье —
Не варенье, а грёза и восторгъ вдохновенья!
При дворѣ — лотерея, и его можно выиграть...
А воздушныя слойки
Изъ рябиновыхъ ягодъ
Передъ этимъ шедевромъ посрамленными лягутъ
Поварихи вселенной, — передъ ней судомойки...
А ликеры рябиньи
Выдѣлки королевьей!
Это — аэропланы! это — вальсы деревьевъ!
Это — арфа Эола и смычёкъ Паганини!
Всѣмъ сластямъ и напиткамъ
Прорябиненнымъ — слава!
Ингридъ ало смѣется и смакуетъ лукаво
Свой ликеръ несравненный, что настроенъ съ избыткомъ.

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ПОЭЗА МАЛЕНЬКАГО ПРЕУВЕЛИЧЕНІЯ.

Луна чуть звякала.
А Ингридъ плакала:
Ей нездоровилось. Душа болѣла.
Близка истерика...
Нѣтъ дома Эрика...
Кровь гордо-гнѣвная въ щекахъ алѣла.
О, совершенное
И неизмѣнное
Блаженство тлѣнное планеты этой!
Не плачь же, гордая,
Будь въ горѣ твердая,
На одиночество свое не сѣтуй!

Есть тайны въ жизни, —
И какъ ихъ выяснить?...
Вѣдь не попался-жъ король въ измѣнѣ!

Но возмутительно,
Но оскорбительно,
Что разогнулъ онъ на мигъ колѣни!

Что миги краткіе
Не пьетъ онъ сладкіе
Уста любимые, уйдя куда-то!...
Что есть біеніе
Въ разъединеніи

Что — пусть мгновеніе! — но вотъ одна ты!
А жизнь поэзилась:
Ей съ дѣтства грезилась
Любовь безсмертная: быть вмѣстѣ вѣчно.

Да, въ разлученіи —
Всегда мученіе...
О, я сочувствую тебѣ сердечно!

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ТИХАЯ ПОЭЗА.

«Мнѣ хочется тихаго-тихаго вечера»,
Королева сказала:
«Уйти подальше отъ искалѣченнаго
Людnаго зала...

Мнѣ такъ надоѣла свита льстивая,
Подлая свита.
Я, королева благочестивая,
Мечтой овита.

Мнѣ даже король со своимъ величіемъ
Нерѣдко въ тягость.
О, если-бъ упиться могла безразличіемъ,
Была бы радость...

Лишь ты, Эльгрина моя любимая,
Моя Эльгрина,
Поймешь страданье неуловимое,
Взоръ не отринувъ...

И что-то потеряно, и что-то не встрѣчено,
И что-то сломала...
И даже... самаго тихаго вечера
Тиха тишь мало!....

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ПОЭЗА БЕЗЪ СЛОВЪ.

Съёженная рябина ржаво-краснаго тона...
Пальчиками голубика съ нѣжной фіолью налёта...
И ворожба болота...
И колдовство затона...
И нѣмота полета...
И крутизна уклона.
Мыши летучей, карей... Мѣсяца позолота...

А вдалекѣ — двѣ скрипки, арфы и віолончели,
И долгота антрактовъ, а въ долготѣ окарины.
Трели любви соловьиной,
Палевыя качели,
Pas голубой балерины,
Призраки Ботичелли,
И нагота сплетённыхъ Ингридъ и фейной Эльгрины.

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ПИСЬМО ЭЛЬГРИНѢ И ОТЪ НЕЯ.

Эльгрина уѣхала въ гости
Къ подругѣ своей въ Копенгагенъ, —
И что на словахъ раньше было,
Отнынѣ уже на бумагѣ...
И въ чарахъ изысканной злости
И ревности, пишетъ ей Стэрлингъ:
— А если бы я полюбила
Палана не меньше, чѣмъ стерлядь?...

А если бы я цѣловала
Фіалки не меньше піоновъ?
А если бы я тяготѣла
Къ искусству — ты слышишь? — шпіоновъ?
А если бы я выпивала
Не crème des lilas, а — oporto
А если бы я свое тѣло
Лелѣяла только для чорта?!...

И то ли поетъ окарина,
И то ли летаетъ сильфида,
И то ли изъ датскаго порта —
Конвертъ, а въ конвертѣ — обида:
Смѣясь, отвѣчаетъ Эльгрина:
«Цѣлуй, если хочешь, піоны,
И пей, если хочешь, oporto,
И даже попробуй въ шпіоны...

Послушай, но это забавно,
Немного смѣшно и наивно,
Но всё-таки, — о, дорогая! —
Такъ дивно! такъ дивно! такъ дивно!
Такъ будь же всегда своенравна,
Моя голубая голубка,
Но чтобы не смѣла другая
Познать тебя страстно и глубко...

1916. Сентябрь. Им. «Бѣльскъ».

ДЕКРЕТЪ МИНИСТРЕССЫ.

Графиня Крэлида Фіорлингъ,
Изящныхъ искусствъ министресса,
Подъ чьимъ покровительствомъ пресса
Познала тропичный расцвѣтъ,
Чье имя у критика въ горлѣ
Спираетъ дыханье отъ страха,
Звуча для него, точно плаха,
Насущный издала декретъ,
Въ которомъ она, между прочимъ,
Редакторовъ всѣхъ обезличивъ,
И «этихъ», и «тѣхъ» безъ различья
Въ особый собравъ комитетъ,
Успѣхъ комитету пророча,
Совѣтала объединиться,
Мотивя, что у «единицы»
Достаточной выдержки нѣтъ...

Открытое при министерствѣ
Собранье всѣхъ вкусовъ и взглядовъ
Отнынѣ должно было рядомъ
Рѣчей браковать иль цѣнить
Труды, находящихся «въ дѣтствѣ
И старости литературы»
Бездарное — до корректуры! —
Порвало съ читателемъ нить...
Но то, что талантливо было,
Отъ знати именъ не завися,

Въ печать отдавалось, чтобъ къ выси
Невѣдомыя имена
Взнести, — поощренное жило!
Навѣки исчезла обида...
Не правда-ль, графиня Крэлида
Была государству нужна?...

1916. Сентябрь. Пм. «Бѣльскъ».

ПОЭЗА О ПОЭЗАХЪ.

Когда у королевы выходитъ новый томикъ
Изысканныхъ сонетовъ, кэнзелей и поэзъ,
Я замѣчалъ, что въ каждомъ домѣ
Къ нему настраженъ интересъ.

Идутъ ея поэзы десятками изданій
И служатъ украшеньемъ окниженныхъ витринъ.
Ея безумствъ, ея мечтаній —
Въ стихахъ чаруйный лабиринтъ...

Всѣ критики, конечно, ей курятъ фиміамы,
Какъ истые холопы, но курятъ невпопадъ.
И нѣтъ для Ингридъ большей драмы,
Чѣмъ ихъ рецензій сладкихъ «патъ»...

Прекрасныя поэзы отъ ихъ похвалъ пошлѣютъ,
Глупѣютъ и мерзѣютъ отъ фальши ихъ похвалъ.
И гнѣвомъ, и стыдомъ алѣетъ
Щекъ царскихъ матовый овалъ...

А тѣ, кто посмѣлѣе, съ тенденціей «эс-дековъ»,
Бранить ее рѣшались, но тоже не умно.
Читая «этихъ человѣковъ»,
Царицѣ все-же хоть смѣшно.

Однажды Ингридъ Стэрлингъ (о, остроумья сила!)
Всѣмъ ядно отомстила — въ редакцію письмомъ,
Въ которомъ критиковъ просила
Забыть «ея твореній домъ».

«Не разъ я разрѣшала бранить меня печатно,
Но только безпристрастно и лишь по существу.
А ваша лесть мнѣ непріятна:
Я тоже мыслю и живу...

Теперь я запрещаю всей властью королевы
Рецензіи о книгахъ моихъ изготовлять:
Изъ васъ бездарны тѣ, кто «лѣвы»,
А «правыхъ» трудно «олѣвлять»...

Еще одна причина безсмыслицы рецензій:
Чтобъ разбирать большое — ахъ, надо быть большимъ!
Бездарь бездарна и при цензѣ,
Талантъ бездарностью душимъ!...

Чтобъ отзывъ безпристрастный прочесть, подъ псевдонимомъ.
Пришлось бы мнѣ поэзы печатать, но зачѣмъ,
Когда трудомъ своимъ любимымъ
Я дорога свободнымъ всѣмъ?

Да и сама всѣхъ лучше себѣ я знаю цѣну:
Стихи мои прекрасны безъ брани и похвалъ!
На сцену, молодежь, на сцену!
Смѣлѣй! — успѣхъ или «провалъ!»

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

БАЛЬКИСЪ САВСКАЯ.

Поэзосолистка Ея Свѣтозарности речитативомъ
Читаетъ ея сочиненья лирично сопрано красивымъ.
Она происходитъ изъ древней миррэльской фамиліи
графской.
Она выступаетъ подъ именемъ звучнымъ — Балькисъ,
дѣвы Савской.

Поэзоконцерты съ изящнымъ участіемъ славной
солистки.
Всегда интересны, и стильно проходятъ на фонѣ
арфистки.
Хрустальная дикція и фразировка, изыски — нюансы.
Она филигранно читаетъ газэллы, канцоны и стансы.

Слегка ледяная, съ высокой прической, и миніатюрна,
Она на эстрадѣ ажурно—сквозная, и все въ ней ажурно!
Каштаново — бронзовы волосы, губы — веселая алость.
Усталая въ ней шаловливость, иначе — шальная
усталость...

И если завистливо критика пишетъ умышленно—злобно,
Соперницъ не зная въ своихъ выступленьяхъ, она
безподобна!
Сама королева ее отличила, даруя солисткой:
Такъ что-же ей зависть и даже клакеры съ наемной
освисткой?

Она не боится, она презираетъ всю фальшь
рецензентовъ,
Ее ободряютъ, звуча такъ литаврово, аплодисменты
Цѣнителей истинныхъ и королевскаго дара, и—Савской.
Ахъ, съ нею сравниться не снилось актрисѣ, актрисѣ
заправской!

1916. Сентябрь. Им. «Бѣльскъ».

ВИЗИТЪ ВААЛЬЯРЫ.

Автомобиль Ваальяры около виллы Эльгрины,
Фыркая, остановился. Выбѣжала Гарріэтъ:
«Милая! Вы ли не кстати? — я получила кларетъ
Вашей излюбленной марки, да и паштетъ куриный,
Нашего повара гордость, входитъ сегодня въ обѣдъ»...

Но усмѣхнулась актриса, строя сарказмную мину,
Тонко прищурила очи, ихъ направляя въ лорнетъ,
И процѣдила сквозь зубы: «вкусный, конечно, обѣдъ,
Но, Ваша Свѣтлость, простите, изъ редикюля я выну,
Крошечную бездѣлушку», — и заблестѣлъ пистолетъ!

Расхохоталась бравурно маленькая принцесса, —
На призывающій хохотъ вышла пантера, но «пиль!»
Сказано не было вовсе... Взявъ изъ вазетки кальвиль,
Четко сказала хозяйка: «мнѣ—дать обѣдать, Агнесса,
А госпожѣ Ваальярѣ—собственный автомобиль».

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ГАСТРОЛЬ ВААЛЬЯРЫ.

(«Ирисъ» Масканьи).

Въ королевскомъ театрѣ
Ваальяру разсматривая,
Королева прослушала годъ нешедшую «Ирисъ».
Авторъ самъ дирижировалъ
И король игнорировалъ
Потому платья новаго помрачительный вырѣзъ.
Убаюканный тактами,
Развлекаемъ антрактами,
Проводимыми весело въ императорской ложѣ,
Былъ Масканьи блистательный
Въ настроеньи мечтательномъ,
И ея Свѣтозарности было солнечно тоже...
Королевскими просьбами
Привлеченная, гроздьями
Брилліантовъ сверкавшая, въ дверь вошла Ваальяра,—
Прима колоратурная, —
Вся такая ажурная,
Какъ изыски Бердслеевы, какъ berceuse'ы Годара.
И блестя эполетами,
Бомбоньерку съ конфетами,
Ввидѣ Леды и Лебедя, предлагаетъ ей Эрикъ.
Ваальяра кокетничаетъ,
А придворные сплетничаютъ —
Открыватели глупые небывалыхъ Америкъ...

Композиторъ признательно,
Правда, очень старательно,
Ей цѣлуетъ подъ вѣеромъ надушенную руку.
И король комплиментами,
Загораясь моментами,
Угощаетъ дающую крылья каждому звуку.
Королевой же ласково
(Что тамъ скрыто подъ маскою?)
Ободряетъ пламная отъ смущенья актриса.
И полна благодарности, —
Даръ ея Свѣтозарности, —
Примадона пришпилила къ лифу вѣтку ириса.

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

ПРОГУЛКИ ИНГРИДЪ.

Ингридъ любитъ прогулки на орѣховомъ бригѣ,
Ежедневно пускаясь въ бирюзовые рейсы.
На кормѣ — эдельвейсы
И качалка, и книги.
Маллармэ и Сенкевичъ, Пшибышевскій и Стриндбергъ.
Шолковыя закладки. Переплетъ изъ сафьяна.
Какъ читаетъ ихъ пьяно
Фьолеглазая Ингридъ!
Фьолеглазая Ингридъ! Эти взгляды, — какъ сабли!
Въ нихъ сердца утопали, какъ любовные грузы...
И цѣлуютъ медузы
Дно стальное кораблье.
Стаятъ злыя акулы, и взлетаютъ дельфины,
Но Ея Свѣтозарность замечталась въ лонгъ-шезѣ
И читаетъ въ поэзѣ
Про былые Аѳины...
Или палевыхъ писемъ кружевныя интриги
Съ королемъ, улыбаясь, разбираетъ въ шкатулкѣ...
Ингридъ любитъ прогулки
На орѣховомъ бригѣ.

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

БАЛЛАДА I.

Балладъ я раньше не писалъ,
Но Ингридъ филигранить надо
То въ изумруды, то въ опалъ, —
И вотъ о ней моя баллада.
Какая странная услада —
Мечтать о ней, писать о ней...
Миррэлія — подобье сада,
А я — миррэльскій соловей.
Дала однажды Ингридъ балъ.
Цвѣла вечерняя прохлада.
Фонтанъ, какъ сабли, колебалъ
Серебростру́и; винограда
Дурманъ, для торжества парада,
Легко кружился средь гостей.
Я пѣлъ, и было сердце радо,
Что я — миррэльскій соловей.

Взнеси, читатель, свой фіалъ:
То — возрожденная Эллада,
И не Элладу-ль ты искалъ
Въ бездревныхъ дебряхъ Петрогра́да?
Ну что-же, вотъ тебѣ награда:
Дарю тебѣ край свѣтлыхъ фей.
Кто — ты, читатель, знать не надо,
А я — миррэльскій соловей.

Въ моей балладѣ мало склада, —
Въ ней только трели изъ вѣтвей...
И ты, быть можетъ, ищешь стада,
А я — миррэльскій соловей!...

1916. Августъ. Им. «Ѣльскъ».

БАЛЛАДА II.

Десятый день ея корветъ
Плыветъ среди полярной сини.
И нѣтъ все пристани, но нѣтъ
На кораблѣ ея — унынiй.
Ахъ, въ поиски какой святыни
Она направила свой путь?
Ахъ, грезы о какой богинѣ
Сжимаютъ трепетную грудь?
Не прозвучалъ еще отвѣтъ,
Но неувѣренныхъ нѣтъ линiй
Въ пути руля: сквозь мракъ, сквозь свѣтъ
Плыветъ корветъ подъ всплескъ — то линьiй
То осетровый; и павлинiй
Узорный вѣеръ опахнуть
Спѣшитъ ее. Волшба Эринniй
Сжимаетъ трепетную грудь.

О королева! ты — поэтъ!
Источникъ ты среди пустыни!
Твой чудодѣйный амулетъ
Хранитъ тебя средь бурь, средь скиней...
На палубѣ сребрѣетъ иней
И голубѣетъ онъ чуть-чуть...
Но вотъ мечты о миломъ сынѣ
Сжимаютъ трепетную грудь...

Забыть бы о вѣтрахъ, о минѣ,
Корветъ обратно повернуть:
Вѣдь тамъ весна!... Она, въ жасминѣ,
Сжимаетъ трепетную грудь.

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

БАЛЛАДА III.

Она катается верхомъ
Почти всегда ежевечерно.
Ея коня зовутъ конемъ
Совсѣмъ напрасно: онъ — какъ серна!
И то вздымаясь кордильерно,
И то почти прильнувъ къ землѣ,
Онъ мчитъ ее неимовѣрно,
И тонетъ бѣгъ коня во мглѣ.

Бываетъ: Ингридъ надъ прудомъ
Въ лѣсу, гдѣ ветхая таверна,
Коня придержитъ, и потомъ
Любуется собой венерно
Въ прудѣ, какъ въ зеркалѣ. Конь мѣрно
И жарко дышетъ. На скалѣ
Дозоритъ солнце — все-ли вѣрно,
И тонетъ солнца ходъ во мглѣ.

Стэкъ, оплетенный серебромъ,
На мигъ взовьется, — вздрогнувъ нервно,
Скакунъ несется вѣткомъ.
И королева, камамберно
Глумясь надъ крестникомъ изъ Берна,
Глазъ практикуетъ на орлѣ.
Ружье прицѣлено примѣрно, —
И тонетъ летъ орла во мглѣ.

Душа — прозрачная цистерна.
Псчило солнце на челѣ.
И все-таки, какъ то ни скверно,
Потонетъ жизнь ея во мглѣ.

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

БАЛЛАДА IV.

Эльисса бѣгаетъ съ пажомъ,
Гоняя шарики крокета.
О, пажъ, подстриженный ежомъ,
И ты, о дѣвушка — ракета!
Его глаза, глаза кокета,
Эльиссу ищутъ и хотятъ:
Вѣдь лѣто, наливное лѣто
Струитъ въ юнцовъ любовный ядъ.

Что дѣлать юношамъ вдвоемъ,
Разъ изъ двоихъ, изъ этихъ — эта
И этотъ на лицо, при чемъ
У каждаго и кровь согрѣта?...
Какого можетъ ждать отвѣта
Всесторговъ тѣла пьяный рядъ,
Когда одинъ намекъ запрета
Струитъ въ юнцовъ любовный ядъ?

Мигнула молнія, и громъ
Прохохоталъ задорно гдѣ-то,
И лѣсъ прикинулся шатромъ...
Они въ шатрѣ. Она раздѣта.
Ея рука къ дождю воздѣта.
А дождь, какъ нѣкій водопадъ,
Глуша, что мною не допѣто,
Струитъ въ юнцовъ любовный ядъ.

Маркиза Инэтро карета
Свезла промокшую назадъ.
Пажъ вновь, при помощи сонета,
Струитъ въ нее любовный ядъ.

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

БАЛЛАДА V.

«Баллада Рэдингской тюрьмы» —
Аккордъ трагическій Оскара.
За фейерверки кутерьмы —
Она прощеніе и кара.
Подбитое крыло Икара...
Обрушившійся Вавилонъ...
Восторгъ запретовъ Гримуара...
И онъ все тотъ же, да не онъ.

Что значатъ сильные умы
И вся окрылость ихъ удара?
Не видѣть лѣта средь зимы,
Изъ моря не извлечь пожара.
Не нѣжить зайцу ягуара,
Не опрокинуть небосклонъ.
Одинъ ли былъ? была-ль ихъ пара?
Но онъ все тотъ же, да не онъ.

Свѣтъ міра есть частица тьмы
И тьмы губительная чара...
Зло сулемы! сумы! чумы!
О, тяжесть чернаго кошмара!
Лилитъ, Годива и Тамара,
Ахъ, кто изъ васъ не угнетенъ?...
Монахъ надѣлъ мундиръ гусара,
И онъ все тотъ же, да не онъ.

Въ Уайльдѣ есть черты Эмаря.
Уайльдъ въ Эмарѣ отраженъ...
Такъ пой, же, пой же, Ваальяра.
Что онъ все тотъ же, да не онъ!

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

БАЛЛАДА VI.

У Юніи де Віантро
Совсѣмъ левкоевая шейка.
Смакуетъ triple sec Cointrau
Весь день изысканная миррэлька.
Вскругъ весна — душистовѣйка,
Просоловьенная луна,
Мечта о принцѣ, грезогрейка,
И голубая пелена ..

Какъ смотритъ Юнія остро
На вешній пиръ и, точно змѣйка,
На солнцѣ грѣется пестро,
И манитъ вдаль, ее аллейка...
Смутить попробуй-ка, посмѣй-ка!
Она весенне-влюблена...
Вокругъ весна, улыбногрейка
И голубая пелена...

Ночей весеннихъ серебро,
Тумана легкая фланелька
И листьевъ пальмовыхъ перо
Грудь нѣжатъ ласково и клейко...
Весна, природовая швейка,
Лугъ рядитъ въ тогу изо льна...
А тамъ, надъ озеромъ, скамейка
И голубая пелена...

Служанка, бронзная корейка,
Въ ея мечты вовлечена...
И таетъ въ грезахъ корифейка,
Какъ голубая пелена...

1917. Февраль. Харьковъ.

БАЛЛАДА VII.

Мнѣ ярко грезится рѣка,
Какъ будто вся изъ малахита...
Она прозрачна и легка
Рѣка — мечта! рѣка — Пахита!
Въ ней отразились облака,
Лучисто звѣзды утонули.
Она извивна и узка, —
И музыка въ прохладномъ гулѣ...

Эльгрины нѣжная рука
Ведетъ въ страну, что не забыта,
По крайней мѣрѣ — з д ѣ с ь, пока...
О ты: восторгъ рѣчного быта!
Твоя свобода широка,
И пламя есть въ твоемъ разгулѣ,
Есть ненюфары для вѣнка,
И музыка въ прохладномъ гулѣ...

Для молодого старика
Природа, не родясь, убита...
Но для меня, чья мысль тонка,
Чье сердце пламени раскрыто,
Какъ хороша, какъ глубока,
Мечта о февралѣ въ іюлѣ,
Цвѣтовъ душистая тоска
И музыка въ прохладномъ гулѣ!...

И если-бъ вы, спустя вѣка,
Балладу эту проглянули,
Сказали: «Каждая строка
Здѣсь — музыка въ прохладномъ гулѣ»....

1917. Февраль. Харьковъ.

БАЛЛАДА VIII.

Эльгрина смотритъ на закатъ;
Въ закатѣ — прѣнье абрикоса;
У ногъ ея — надрѣчный скатъ, —
Головокружно у откоса.
А солнце, улыбаясь косо,
Закатывается за лѣсъ.
Эльгрина распускаетъ косы
И тихо шепчетъ: «День исчезъ» . . .

А день угасшій былъ такъ златъ!
Мужали крылья альбатроса!
И бился на морѣ фрегатъ,
Какъ бьется сердце у матроса.
Казалось, не было вопроса
Ни у земли, ни у небесъ.
Эльгрина куритъ пахитоссу,
И вотъ дымокъ ея исчезъ. . .

Ея глаза — сплошной агатъ;
Ея душа летитъ въ льяносы;
Въ устахъ ея созрѣлъ гранатъ;
Наги плеча, и ноги босы;
На наготѣ сверкаютъ росы,
Мечта — орлу наперерѣзъ;
Эльгрина жадно пьетъ кокосы,
И вотъ ихъ млечный сокъ исчезъ. . .

Вокругъ кружатся златоосы.
Въ природѣ — колыханья мессъ.
Она пускаетъ въ ходъ колёса, —
И вотъ велосипедъ исчезъ...

1917. Февраль. Харьковъ.

БАЛЛАДА IX.

О ты, Миррэлія моя! —
Полустрана, полувидѣнье!
Въ тебѣ лишь ощущаю я
Земли небесное волненье...
Тобою грезить упоенье:
Ты — лучшій сонъ изъ сновъ земли,
И ты — эмблема наслажденья, —
Не оттого-ль, что ты вдали?

Благословенные края,
Гдѣ неизживныя мгновенья,
Гдѣ цвѣтны трели соловья,
Гдѣ соловейчаты растенья!
Земли эдемскія селенья,
Къ вамъ окрыляю корабли!
Но это страстное влеченье —
Не оттого-ль, что вы вдали?...

Да, не любить тебя нельзя,
Какъ жизнь, какъ май, какъ вдохновенье!
Къ тебѣ по лиліямъ стезя,
Въ тебѣ отъ зла и смутъ забвенье;
Въ тебѣ отъ будней исцѣленье, —
Внемли мечтѣ моей, внемли!
Я вѣрю, примешь ты моленье, —
Не оттого-ль, что ты вдали?....

Уже конецъ стихотворенью,
А строфы только расцвѣли,
И вѣетъ отъ стиховъ сиренью —
Не оттого-ль, что ты вдали?!...

1917. Февраль. Харьковъ.

БАЛЛАДА X.

Любовь! какихъ-нибудь пять буквъ!
Всего двѣ гласныхъ, три согласныхъ!
Но сколько въ этомъ словѣ мукъ,
Чувствъ вѣчно-новыхъ и прекрасныхъ!
Чувствъ тихо-нѣжныхъ, бурно-страстныхъ,
Чувствъ зажигающихъ въ насъ кровь,
Чувствъ радостныхъ и чувствъ несчастныхъ –
Подъ общимъ именемъ: «Любовь».

Любовь! какой чаруйный звукъ!
Букетъ цвѣтовъ съ избыткомъ красныхъ...
Волшба сплетенныхъ, въ страсти, рукъ,
И фейерверки словъ напрасныхъ....
Аэропланы чувствъ опасныхъ,
Паденья, рвы и взлёты вновь,
Всё то, что въ образахъ неясныхъ —
Подъ общимъ именемъ: «Любовь».

Любовь! какъ дѣдъ когда-то, внукъ
Тебя-же въ признакахъ компасныхъ
Найдетъ, усиливъ сердца стукъ,
Въ поляхъ, среди цвѣтовъ атласныхъ,
Въ горахъ, среди вѣтровъ ужасныхъ,
Вездѣ найдетъ, вздымая бровь,
Тебя, кто брежжитъ въ дняхъ ненастныхъ
Подъ общимъ именемъ: «Любовь».

Любовь! какъ мало душъ согласныхъ
Съ тобой познавшихъ счастья новь!
Но сколько гибелей злочасныхъ —
Подъ общимъ именемъ: «Любовь».

1917. Февраль. Харьковъ.

БАЛЛАДА XI.

Экспрессъ уходитъ на фіордъ
По вторникамъ въ двадцать четыре.
Торопится пріѣзжій лордъ
Увидѣть вновь морскія шири.
Сіяижа нѣтъ лучше въ мірѣ,
Но все-же надо въ Ливерпуль...
Когда насъ ждутъ счета и гири,
Насъ мало трогаетъ іюль...

Гимнастикой своею гордъ,
Всѣ струны на душевной лирѣ
Давно порвавъ, стремится въ портъ
Культурный лордъ, и на «Вампирѣ»
Въ каютъ-компаньевомъ empire'ѣ,
Плыветъ на родину «Буль-буль»,
Журчитъ волна виномъ на пирѣ:
Ее не трогаетъ іюль.

Смотря, какъ бьетъ волна о бортъ,
О паюсной икрѣ, о сырѣ
Мечтаетъ лордъ и — что за чортъ! —
Объ ананасовомъ пломбирѣ...
Какъ рыцарь дамѣ на турнирѣ,
Киваетъ нѣжно банкѣ муль,
Но въ небѣ, въ золотой порфирѣ,
Его не трогаетъ іюль...

Спитъ солнце въ моревомъ имбирѣ;
Уже къ землѣ направленъ руль:
Лишь дома, въ горничной Эльвирѣ,
Милорда трогаетъ іюль...

1917. Февраль. Харьковъ.

КЭНЗЕЛЬ III.

Яхта Ингридъ изъ розовыхъ досокъ грушъ
комфортабельна,
Ренессансно отдѣлана и шелками, и бронзою.
Безобидная внѣшностью, артиллеріей грозная,
Стрѣльчатая — какъ ласточка, какъ порывъ —
монстріозная,
Просто вилла плавучая, но постройки корабельной.

Королева названіе ей дала поэтичное:
«Звонъ весенняго ландыша», — правда, чуть элегичное?
Яхта Ингридъ изъ розовыхъ досокъ грушъ
комфортабельна
И эффектна при мѣсяцѣ, если волны коричневы
Съ темно-крэмной каемкою, лучиками ограбельной.

Если небо затучено, и титаново-сабельный
Путь сафирно-излуненный обозначится на морѣ,
Яхта вплавь снаряжается, и, въ щебечущемъ юморѣ,
Королева готовится къ путешествію по морю
Въ быстрой яхтѣ изъ розовыхъ досокъ грушъ,
комфортабельной.

1916. Сентябрь. Им. «Бѣльскъ».

КЭНЗЕЛЬ IV.

Въ ея будуарѣ такъ много нарциссовъ,
Китайскихъ фонариковъ радуга свѣтовъ
И яркихъ маркизовъ, и юныхъ поэтовъ,
Сплетающихъ Ингридъ гирлянды сонетовъ,
И аплодисментовъ, и паузъ, и бисовъ!

И знойныхъ мечтаній, и чувствъ упоенныхъ,
Желаній фривольныхъ и фразъ окрылённыхъ
Въ ея будуарѣ, въ лученьи нарциссовъ,
Такъ много, такъ много... И взглядовъ влюбленныхъ
Весеннихъ поэтовъ и пылкихъ маркизовъ.

И фрейлина царья, принцесса Эльисса,
Женѣ моей какъ-то въ интимной беседѣ
Повѣдала нѣчто о знатной милэди
И пылко влюбленномъ въ нее правовѣдѣ,
Но то... въ будуарѣ, гдѣ много нарциссовъ.

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

КЭНЗЕЛЬ V.

Ѳедору Сологубу.

Однажды пріѣхала къ Ингридъ Ортруда
Съ Танкредомъ и Афрой на легкомъ корветѣ.
Въ тѣ дни беззаботно дышалось на свѣтѣ.
Войной европейской пугались лишь дѣти,
Итакъ, на корветѣ изъ дали Оттуда.

Представила гостья царицѣ Танкреда,
Чье имя для женщинъ звучало — побѣда. —
Зачѣмъ же пріѣхала къ Ингридъ Ортруда?
Да такъ: отдохнуть отъ интригъ, какъ отъ бреда,
Взять моря и соли его изумруда.

О, чудное диво! О, дивное чудо! —
Миррелія сходна съ ея островами!
Она ей разсказана странными снами!
«Вы съ нами», сказалось. Отвѣтили: «съ вами»...
Такъ вотъ какъ пріѣхала къ Ингридъ Ортруда!

1916. Августъ. Пм. «Бѣльскъ».

КЭНЗЕЛЬ VI.

Ингридъ бродитъ мечтанно надъ рѣкою форелью.
Такъ лимоново небо! гоноболь такъ лиловъ!
Чѣмъ безудержнѣй грезы, тѣмъ ничтожнѣй уловъ.
За олѣсеннымъ кряжемъ глухи трубыословъ.
Перетрелиться вѣтеръ любитъ съ нѣжной свирѣлью.

Все здѣсь сѣверне-блекло. Все здѣсь красочно-южно.
Здѣсь ліаны къ берёзамъ приникаютъ окружно.
Ингридъ видитъ побѣдно: за рѣкою форелью
Плодоносныя горы встали головокружно,
Гдѣ сльха съ тамариндомъ, гдѣ бананъ рядомъ съ елью.

Одновременно мѣсто и тоскѣ, и веселью!
Одновременно сѣверъ и тропическій югъ!
Одновременно музыка самума и вьюгъ!
Упоенно впивая очарованный кругъ,
Ингридъ плачетъ экстазно надъ рѣкою форелью.

1917. Февраль. Харьковъ.

КЭНЗЕЛЬ VII.

Какая въ сердцѣ печаль!...
Никто, никто не идетъ...
Душа уже не цвѣтетъ...
Весна уже не поетъ...
Уже никого не жаль...

Заплакать — ни капли слезъ...
Загрезить — ни грозди грезъ...
О, злая сердца печаль!
Стынетъ въ устахъ вопросъ...
Снѣжѣетъ, ледѣетъ даль.....

Іюль это или февраль?
Ночь или яркій день?
Цвѣтнетъ ли опять сирень?
Думать объ этомъ лѣнь:
Нѣмая въ сердцѣ печаль...

1917. Февраль. Харьковъ.

КЭНЗЕЛЬ VIII.

Букетъ незабудокъ былъ брошенъ небрежно
На письменномъ розовомъ дамскомъ столѣ...
Покинуто было хозяйкой шалэ,
И солнце блистало въ оконномъ стеклѣ
Прощально и нѣжно.

У оконъ гостиной сохъ горько миндаль.
Эльгриной, уплывшей въ исканную даль.
Букетъ незабудокъ былъ брошенъ небрежно
Въ ея кабинетѣ; въ гостиной рояль
Вздыхалъ такъ элежно...

Струнецъ благородный, онъ слушалъ прилежно.
Какъ плакалъ букетъ бирюзовыхъ цвѣтовъ,
И вторить букету рояль былъ готовъ,
И клавишилъ — это-ль не пѣсня безъ словъ? —
«Былъ брошенъ небрежно»...

1917. Февраль. Харьковъ.

КЭНЗЕЛЬ IX.

Уже въ жасминѣ трелятъ соловьи,
Уже журчатъ лобзанія въ жасминѣ.
И ѳиміамы курятся богинѣ,
И пишутъ вновь въ весеневомъ карминѣ
Уста твои!

Уста твои — чаруйныя новеллы!
Душистъ ихъ пылъ, и всплески ихъ такъ смѣлы,
И такъ въ жасминѣ трелятъ соловьи,
Что поцѣлуи вальсомъ изъ — «Мирэллы»
Скользятъ въ крови.

На! одурмань! измучай! упои!
Испчёль, исжаль кипящими устами!
Да взвѣтритъ надъ жасминными кустами
Царица Страсть бушующее знамя,
Пока въ жасминѣ трелятъ соловьи!

1917. Февраль. Харьковъ.

КЭНЗЕЛЬ X.

Я — Сольвейгъ полярная, блондинка печальная,
Съ глазами газельими, слегка удивленными,
Во все неземное безумно влюбленными.
Земнымъ оскорбленными, земнымъ уязвленными...
Въ устахъ — окрыленная улыбка коральная.

Приди же, мой ласковый, любовью волнуемый!
Приди, мною грежемый, душою взыскуемый!
Я, Сольвейгъ полярная, блондинка печальная.
Привѣчу, далекаго, прильну поцѣлуйно,
Вопью въ гостя милаго уста свои жальныя!

Такъ сбудься-жъ, несбывная мечта моя дальняя!
Блесни, упоеніе, хотя-бъ мимолётное, —
Мое бирюзовое! мое беззаботное!
Къ безплотному юношѣ льнетъ дѣва безплотная —
Я — Сольвейгъ полярная, блондинка печальная!

1917. Февраль. Харьковъ.

ИНГРИДЪ И МОЛОДЕЖЬ.

На улицахъ свѣтлаго города
Со свитою и съ королемъ
И просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ гордо,
Встрѣчается Ингридъ пѣшкомъ.
И съ нею друзья неизмѣнные —
Курсистки, студенты, военные.

Всѣмъ очень легко, очень весело,
Смущенье навѣки исчезло,
Идетъ, подъ бряцаніе шпоръ,
Свободный и вѣжливый споръ;
Но въ тонѣ къ Ея Свѣтозарности
Не слышно у нихъ фамильярности.

Бываютъ на выставкахъ, въ оперѣ,
То всѣ отправляются къ кобрѣ
И кормятъ ручную змѣю,
Сливаясь въ большую семью.
И губы искусаны до крови
Въ какомъ-нибудь кинематографѣ.

А то на вечёркахъ студенчества
Царица, впадая въ младенчество,
Принявши ребяческій видъ,
Шалитъ, неунятно шалитъ!
Тогда берегись, философія:
Ты всѣхъ приведешь къ катастрофѣ!...

Заходитъ ко всѣмъ она запросто,
Пьетъ чай, помогаетъ всѣмъ часто.
Готовая снять съ себя брошь, —
И цѣнитъ ее молодёжь.
Предъ царскою кофточкой ситцевой
Трепещетъ одна лишь полиція!...

1916. Сентябрь. Им. «Бѣльскъ».

ЛЮБОПЫТСТВО ЭКЛЕРЕЗИТЫ.

— Мама, милая мамочка,
Скоро-ль будетъ война?
— Что съ тобой, — моя дѣвочка?
Можетъ быть, ты больна?

— Всѣ сосѣди сражаются,
Не воюемъ лишь мы.
— Но у насъ, слава Господу,
Всѣ здоровы умы.

— Почему насъ не трогаютъ?
Не плѣнятъ почему?
— Потому что Миррэлія
Не видна никому...

— Почему-жъ наша родина
Никому не видна?
— Потому что вселенная
Намъ съ тобой не нужна...

— Мама, милая мамочка,
Плачетъ сердце мое...
— Различай, моя дѣвочка,
Отъ чужого — свое...

— Ну, а что окружаетъ насъ?
Кто ближайшій сосѣдъ?
— Кромѣ звѣздъ и Миррэліи,
Ничего въ мірѣ нѣтъ!

1916. Сентябрь. Им. «Бѣльскъ».

СЕКСТИНА МУДРОЙ КОРОЛЕВЫ.
(III).

Не вовлечетъ никто меня въ войну:
Моя страна для радости народа.
Я свято чту и свѣтъ, и тишину.
Мой лучшій другъ — страны моей свобода.
И въ красный цвѣтъ зеленую весну.
Не превращу, любя тебя, природа!

Отвѣть же мнѣ, любимая природа,
Ты слышала-ль про красную войну?
И развѣ ты отдашь свою весну,
Сотканную для радости народа,
Рабынѣ смерти, ты, чей гербъ—свобода,
И въ красную войдешь ли тишину

Я не устану славить тишину,
Не смерти тишину, — твою, природа, —
Спокойной жизни. Гордая свобода
Моей страны пускай клеймитъ войну,
И пусть сердца свободнаго народа
Впиваютъ жизнь — цвѣтущую весну.

Прочувствовать и оберечь весну,
Ея полей святую тишину —
Счастливый долгъ счастливаго народа.

Ему за то признательна природа,
Клеймящая позорную войну,
И бережетъ такой народъ свобода.

Прекрасная и мудрая свобода!
Быть можетъ, ты взлелѣяла весну?
Быть можетъ, ты впустила тишину?
Быть можетъ, ты отторгнула войну?
И не тобой ли дивная природа
Дарована для добраго народа?

Для многолѣтья добраго народа,
Для управленья твоего, свобода,
Для процвѣтанья твоего, природа,
Я, королева, воспою весну,
Ея сирень и блескъ, и тишину,
И свой народъ не вовлеку въ войну!

1916. Августъ. Им. «Бѣльскъ».

II.

ПОВРАГА.

ПОВРАГА.

У вдавленнаго въ лѣсъ оврага,
Стремясь всѣмъ головы вскружить,
Живетъ невѣдная поврага,
Живетъ, чтобы живя, вражить.

То шлетъ автомобильной шинѣ
Пустобутыльное стекло,
То ночь, подвластную вражинѣ,
Нажитъ снѣжино наголо.

То заблуждаетъ сердце дѣвье
И — заблужденная — блудитъ,
То валитъ вялыя деревья.
И — ворожбовая — вражитъ...

Сраженная вражиней Драга
Вздрожала дрогло въ дряблой мглѣ...
Пока божитъ, вража, поврага,
Не будетъ дружно на землѣ...

Петроградъ. Январь 1916 г.

18 ФЕВРАЛЯ 1915 ГОДА.

Девятьсотъ пятнадцатаго года
Восемнадцатаго февраля,
Днемъ была пригожая погода,
Къ вечеру овьюжилась земля.

Я сидѣлъ въ ликеровой истомѣ,
И была истома такъ пошла...
Ты вошла, какъ женщина, въ мой номеръ,
Какъ видѣнье, въ душу мнѣ вошла...

Тихій стукъ, и вотъ — я знаю, знаю,
Кто войдетъ! — входи же поскорѣй!
Жду, зову, люблю и принимаю!
О, Мечта въ раскрыліи дверей!...

О, Любовь! Тебѣ моя свобода
И тебѣ величье короля
Съ восемнадцатаго февраля
Девятьсотъ пятнадцатаго года!...

Москва. Февраль. 1916 г.

О, ГОРЕ СЕРДЦУ!

Ты вся на морѣ! ты вся на югѣ! и даже южно
Глаза сіяютъ. Ты вся чужая. Ты вся полетъ.
О, горе сердцу!—мы неразлучны съ тобою годъ.
Какъ это странно! какъ это больно! и какъ ненужно!

Ты побледнѣла, ты исхудала: въ изнеможеньи
Ты вся на морѣ, ты вся на югѣ! ты вся вдали.
О, горе сердцу!—мы годъ, какъ хворостъ, шутя, сожгли.
И разстаемся: я — съ нѣжной скорбью, ты — въ
раздраженьи.

Ты осудила меня за мягкость и за сердечность, —
За состраданье къ той неудачной, забытой мной, —
О, горе сердцу! — кого я наспѣхъ назвалъ родной...
Но кто виною? — моя порывность! моя безпечность!

Моя порывность! моя безпечность! да, вы — виною,
Какъ ты, о юность! ты, опьяненность! ты, звонъ въ
крови!
И жажда женской чаруйной ласки! и зовъ любви!
О, горе сердцу! — вѣдь такъ смѣнялись весна весною...

Сирень—сиренью... И съ новымъ маемъ, и съ новой
листью
Все весенѣло, сверкало, пѣло въ душѣ опять.
Я вѣрилъ въ счастье, я вѣрилъ въ женщинъ,—четыре,
пять,
Семь и двѣнадцать встрѣчая весенъ, весь—безкорыстье!

О, безкорыстье весенней вѣры въ такую встрѣчу,
Чтобъ разставаться не надо было, — въ тебѣ-ль не зло?
О, горе сердцу!—двѣнадцать женщинъ судьбой смело!
Я такъ растерянъ, я такъ измученъ, такъ искалѣченъ...

Но боль за болью и за утратой еще утрата:
Тебя теряю, свою волшебку, свою мечту...
Ты вся на морѣ, ты вся на югѣ, вся налету...
О, горе сердцу! И за ошибки ему расплата...

Петроградъ. 17 февраля 1916 г.

ПОЭЗА СТРАННОСТЕЙ ЖИЗНИ.

Авг. Дм. Барановой.

Встрѣчаются, чтобъ разлучаться...
Влюбляются, чтобъ разлюбить...
Мнѣ хочется расхохотаться
И разрыдаться — и не жить!

Клянутся, чтобъ нарушить клятвы...
Мечтаютъ, чтобъ клянуть мечты...
О, скорбь тому, кому понятны
Всѣ наслажденія Тщеты!...

Въ деревнѣ хочется столицы...
Въ столицы хочется глуши...
И всюду человѣчьи лица
Безъ человѣческой души...

Какъ часто красота уродна,
И есть въ уродствѣ красота...
Какъ часто низость благородна,
И злы невинныя уста.

Такъ какъ же не расхохотаться,
Не разрыдаться, какъ же жить,
Когда возможно разставаться,
Когда возможно разлюбить?!...

Москва. Февраль 1916 г.

БЫВАЮТЪ ТАКІЯ МГНОВЕНІЯ...

Бываютъ такія мгновенья,
Когда тишины и забвенья, —
Да, лишь тишины и забвенья, —
И проситъ, и молитъ душа...

Когда всѣ людскія тревоги,
Когда всѣ земныя дороги
И Богъ, и волненья о Богѣ
Душѣ безразлично — чужды...

Не знаю, быть можетъ, усталость.
Быть можетъ, къ прошедшему жалость. —
Не знаю — но, зяблое, сжалось.
Печальное сердце мое...

И то, что вчера волновало,
Томило, влекло, чаровало,
Сегодня такъ жалко, такъ мало
Въ пустынѣ цвѣтущей души...

Но только упьешься мгновенной
Усладой, такою забвенной,
Откуда-то вѣетъ вервэной,
Излученной и моревой...

И снова свѣжо и солено,
И снова въ деревьяхъ зелено,
И снова легко и влюбленно
Въ познавшей забвенье душѣ!..

Гатчина. 19 Апрѣля 1916 г.

ПОЭЗА СИРЕНЕВОЙ МОРДОЧКИ.

Твоя сиреневая мордочка
Заулыбалась мнѣ остро.
Какъ по тебѣ тоскуетъ жордочка,
Куренокъ, рябчатый пестро!...

Какъ васильковы и люнелевы
Твои лошадіи глаза!
Какъ щеки дѣвственно-апрѣлевы!
Тебя Ифритъ мнѣ указалъ!...

И вся ты, вся, такая зыбкая,
Такая хрупкая, — о вся! —
Мнѣ говоришь свою улыбкою,
Что есть сирень, а въ ней — оса...

Харьковъ. 4 мая 1916 г.

ПОЭЗА СѢВЕРНАГО ОЗЕРА.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Луги,
Въ лѣсу сосновомъ, на пескѣ,
Въ любимомъ обществѣ подруги
Живу въ чарующей тоскѣ...

Среди озеръ, березъ и елокъ
И сосенъ мачтовыхъ среди,
Бѣжитъ извилистый проселокъ,
Шумъ оставляя позади.

Я не люблю дорогъ шоссейныхъ:
На нихъ — харчевни и обозъ.
Я жить привыкъ въ сквозныхъ, въ кисейныхъ
Лѣсахъ, гдѣ — колыбели грезъ.

Въ просторномъ домѣ, въ десять комнатъ,
Простой, мѣщанистый уютъ,
Среди котораго укромно
Дни сѣверлѣтніе текутъ.

Домъ на горѣ, а въ котловинѣ,
Какъ грандіозное яйцо,
Блистаетъ озеро сталь-сине,
И въ немъ — любимое лицо!

Съ ольховой удочкой, въ дырявой
И утлой лодкѣ, на кормѣ,
Ты — нѣжный отдыхъ мой отъ славы,
Который я найти сумѣлъ...

То въ аметистовомъ, то въ бѣломъ.
То въ бронзовомъ, то въ голубомъ,
Ты бродишь въ паркѣ запустѣломъ
И пѣсней оживляешь домъ.

На днѣ озерномъ бродятъ раки
И плоскотѣлые лещи.
Но берегись въ зеленомъ мракѣ:
Медвѣди, змѣи и клещи!

А вечерами крыломыши
Лавируютъ среди березъ,
И барабанитъ дождь по крышѣ,
Какъ громоносный Берліозъ.

Да, много въ жизни деревенской
Несносныхъ и противныхъ «но»,
Но то, о чемъ твердитъ Каменскій.
Рѣшительно исключено...

Здѣсь некому плести интриги
И некому копать здѣсь ямъ...
Ни до Вердэна, ни до Риги
Нѣтъ дѣла никакого намъ...

Здѣсь царство въ нѣкоторомъ родѣ,
И оттого, что я — поэтъ,
Я кровью чуждъ людской породѣ
И свято чту нейтралитетъ...

Им. «Бѣльскъ» конецъ іюля 1916 г.

ОПЕЧАЛЕННАЯ ПОЭЗА.

Не вѣчно мнѣ горѣть. Не вѣчно мнѣ пылать.
И я могу старѣть. И я могу устать.
Чѣмъ больше пламени въ моемъ давно бываломъ,
Тѣмъ меньше впереди огня во мнѣ, усталомъ.

Но все-таки, пока во мнѣ играетъ кровь,
Хоть изрѣдка, могу надѣяться я вновь
Зажечься, засіять и устремиться къ маю...
Я все еще живу. Я все еще пылаю.

Гатчина. 8. декабря 1916 г.

МУЗЕЙ МОЕЙ ВЕСНЫ

О, милый, тихый городокъ,
Мой старый вѣрный другъ,
Я измѣнить тебѣ не могъ
И, убѣжавъ отъ всѣхъ тревогъ,
Въ тебя въѣзжаю вдругъ!

Ахъ, не въ тебѣ-ль цвѣла сирень,
Сирень весны моей?
Не твой ли — ахъ! — весенній день.
Взбурлилъ во мнѣ «Весенній день»,
Чей стихъ — весны яснѣй?

И не окрестности твои-ль,
Что спятъ въ березнякѣ,
И солнцесвѣтъ, и лунопыль
Моихъ стиховъ сковали стиль,
Гремящихъ вдалекѣ?

И не въ тебѣ-ли первый разъ
Моя вспылала кровь?
Непредназначенныхъ мнѣ глазъ, —
Ахъ, не въ тебѣ-ль, — я пилъ экстазъ
И думалъ: «вотъ любовь!»

О, первый мой самообманъ,
Мнѣ причинившій боль,
Ты испарился, какъ туманъ,
Но ты недаромъ мнѣ былъ данъ:
Въ тебѣ была эоль!

И только много лѣтъ спустя,
Ошибокъ рядъ познавъ,
Я встрѣтилъ женщину — дитя
Съ такимъ неотразимымъ «я»,
Что полюбить былъ правъ.

Да, не заѣхать я не могъ
Теперь, когда ясны
Мои улыбки, въ твой шатрокъ.
Мой милый, тихій городокъ, —
Музей моей весны!...

Гатчина. 19 Апр. 1916 г.

ПОЭЗА ДМИТРІЮ ДОРИНУ.

Я перечитываю снова
Твои стихи, — и въ ореолъ
Давно угасшаго Былого
Взлетѣлъ «Тоскующій Орелъ»!

Ахъ, чувствамъ нѣтъ опредѣленья...
Чего до слезъ, до муки жаль?
Какое странное волненье!
Какая странная печаль!

Твои стихи! — они мнѣ милы!
Нарѣдкость дороги они!
Моя извѣстность не затмила
Того, что помнимъ мы одни!

И если не совсѣмъ умѣлы
Твои смущенные стихи,
Что мнѣ до этого за дѣло,
Разъ сердцу моему близки?!...

Вѣдь въ нихъ и Фофановъ, и Пудость,
Твоей застѣнчивости «аль»,
И вешнихъ лѣтъ святая скудость,
Которую-то мнѣ и жаль...

Пусть мой порывъ нелѣпъ и вздоренъ, —
Я не стыжусь его; я радъ,
Что гдѣ-то живъ мой грустный Доринъ,
Меня волнующій собратъ!

Гатчина. 9 ноября. 1916 г.

ГАСТРОНОМЫ ДРЕВНОСТИ.

Луккулъ, Октавій, Полліонъ,
Апицій, Клавдій — гастрономы!
Вашъ гурманическій законъ:
Устроить пиръ, вспѣнить ритонъ
И уѣдаться до истомы.

Прославленный архимагиръ,
Одѣтый чуть не въ латиклаву,
Причудами ѣды весь міръ
Дивилъ, и рокотанье лиръ
Отмѣтило его по праву.

Не разъ въ шелкахъ имплувіатъ,
Закутавъ головы кукулемъ,
Къ Лукуллу толпы шли мэнадъ.
Пить выгрозденный виноградъ,
Соперничающій съ іюлемъ.

Изъ термъ Агриппы самъ Неронъ,
Искавшій упоенья въ литрѣ,
Шелъ къ гастрономамъ снить свой сонъ,
И не Нерономъ ли пронзенъ
Пронзающій его Димитрій?

И не на этихъ ли прахъ
Тотъ, кто рожденъ съ душой орлиной, —
Пизонъ, Петроній, — палъ во прахъ,
Сраженный той, чье имя — страхъ:
Статиліею — Мессалиной?

Гатчина. 15 октября 1916 г.

РИФМОДИССО.

Вдали, въ долинѣ, играютъ Грига.
Въ играньи Грига такая нѣга.
Вуалитъ нѣгой фіордовъ сага.
Міръ хочетъ мира, міръ ищетъ Бога.
О, сталь поляра! о, рыхлость юга!

Пукъ бѣлыхъ молній взметнула вьюга,
Со снѣжнымъ полемъ слилась дорога,
Я слышу поступь мороза — мага;
Онъ весь изъ вьюги, онъ весь изъ снѣга.
Въ мотивахъ Грига — безсмертье мига.

Гатчина. Ноябрь 1916 г.

МИНЬОНЕТЪ.

О, мечта бархатисто-фіолевая,
Ты, фіалка моя,
Расцвѣтаешь, меня окороливая,
Ароматъ свой лія....

Нѣжно теплится въ сердцѣ эолевая
Синихъ вздоховъ струя,
О, мечта бархатисто-фіолевая,
Ты, фіалка моя!

Гатчина, 8 декабря 1916 г.

БѢЛАЯ ФІАЛКА.

Когда вы ѣдете къ деревнѣ
Изъ сквозь пропыленной Москвы,
Уподобляетесь царевнѣ
Вѣковъ минувшихъ тотчасъ Вы.

Къ фіалкамъ бѣлымъ зная ревность,
Берете страстно ихъ въ букетъ,
Оправдываете царевность
Отлѣченныхъ когда-то лѣтъ.

И можетъ быть — кто смѣетъ спорить? —
Способна, нѣжно-хороша,
Злой папоротникъ разузорить
Фіалки бѣлая душа?

Ни шоколадныхъ, ни лиловыхъ, —
Лишь бѣлыя берете Вы....
Не въ поѣздѣ, не на почтовыхъ, —
На крыльяхъ надо изъ Москвы...

Гатчина, 26 декабря 1916 г.

ОСЕННЯЯ ПОЭЗА.

Уже деревья скелетѣютъ...
Балькисъ Савская.

Уже деревья скелетеютъ
И румянѣютъ, и желтѣютъ;
Ужъ лѣто бросило поля,
Ихъ зелень златомъ опаля.

Ужъ вѣтки стали, какъ дубины;
Уже заежились рябины;
И поморозили грибы.
Въ сухой листвѣ свои горбы.

Уже затинились озера;
И мірового фантазера
Мечты отусклены уже,
Уже печаль въ земной душѣ.

Им. «Бѣльскъ». 7 Сентября 1916 г.

Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ..
Луна серебрѣетъ....
Прозрачная тишь...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ..
И лѣсъ скелетѣетъ....
Зачѣмъ ты молчишь?...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ..
Не дышитъ, не вѣетъ
Озерный камышъ....
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ..
Поля осенѣютъ...
О чемъ ты грустишь?...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ..
И въ луни свѣтлѣетъ
Изгорбленность крышъ...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ..
И ликъ твой блѣднѣетъ...
Что въ сердцѣ таишь?...
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ..
Подняться не смѣетъ
Летучая мышь....
Какъ въ сказкѣ... Какъ въ сказкѣ!.. Луна голубѣетъ..
Мнѣ хочется ласки!...
Откликнись! Пойми жъ!

Им: «Бѣльскъ». 3 сентября 1916 г.

ПОЭЗА ОКТЯБРЬСКАГО ПОЛДНЯ.

Съ крышъ падая, таютъ брильянтики,
И солнце осталило стекла,
Сирень еще держитъ листву....
Морозъ закрутилъ ее въ бантики,
Но къ полдню, — двѣнадцати около, —
Разъежась, глядитъ въ синеву.

Подстрижены къ маю акаціи,
И коврики тлѣютъ листовые,
Ихъ тоны темнѣютъ, увявъ...
Ветшаютъ къ зимѣ декораціи
Природы, чтобъ въ дни лепестковые
Облечься въ фантазную явь...

Гатчина, 15 октября 1916 г.

ПОЭЗА СТЫДЯЩИМСЯ МОЛОДОСТИ.

Куда вы отдаете силы?
Вы только вдумайтесь — куда!
И развѣ вамъ уже не милы
И лѣсъ, и поле, и вода?

И развѣ вамъ уже не любы
Восторги кисти и стиха?
И цѣловать любимыхъ въ губы —
Да развѣ это отъ грѣха?

И развѣ ничего не нужно
Для вашей юности, друзья?
Какъ слабы вы! какъ мало — дружны!
Надъ вами властвуетъ Нельзя.

И вамъ не больно? не обидно?
Вы покоряетесь? — чему? —
Своей же робости постыдной
И малодушью своему!

Вы въ заблужденьи! Пусть исправить
Ошибки сердце повелитъ.
Одна вѣдь молодость! Одна вѣдь!
И лишь ея стыдится — стыдъ!

Гатчина, ноябрь 1916 г.

ЗАЙЧЬИ МОНОЛОЖКИ.

1.

Что въ мысляхъ не таи,
Сомнѣньями терзаемый,
Хозяева мои —
Предобрые хозяева:
Горячимъ молокомъ
Животикъ мнѣ распарили —
И знаете? — при томъ
Ни разу не зажарили!...

Им.: «Бѣльскъ» 15 сентября 1916 г.

2.

— «Похожъ ты на ежа
И чуточку на вальдшнепа»,
Сказала, вся дрожа,
Собака генеральшина:

— «Случалось мнѣ тайкомъ
Вамъ, зайцамъ, хвостъ обгрызывать»...
И наглымъ языкомъ
Ротъ стала свой облизывать...

Им: «Бѣльскъ» сент. 1916 г.

3.

Вчера сибирскій котъ
Его Высокородія
Вдругъ стибрилъ антрекотъ
(Такое ужъ отродіе!...)
Сказалъ хозяйскій сынъ:
— «Бери примѣры съ заиньки»,
И далъ мнѣ апельсинъ
Мой покровитель маленькій.

Им. «Бѣльскъ». Сент. 1916 г.

4.

Зачѣмъ то насъ зовутъ
Всегда какимъ то трусикомъ,
А сами насъ жуютъ,
Смѣшно виляя усикомъ...
Ужели храбрость въ томъ,
Чтобъ вдругъ на насъ обрушиться
Съ собакой и съ ружьемъ,
Зажарить и накушаться?...

Им: «Бѣльскъ». Сент. 1916 г.

ПѢСЕНКА О ЗАЙЦѢ.

Я впивала ароматъ
Въ молодыхъ сиреняхъ.
Заяцъ кушалъ виноградъ
На моихъ колѣняхъ.
Я подшеила ему
Золотой бубенчикъ.
Сталъ мой заяцъ потому
Вылитый оленчикъ.

Им: «Бѣльскъ». Сент. 1916 г.

ТРІОЛЕТЫ О ЗАЙЦѢ.

1.

Нашъ заяцъ, точно Передоновъ, —
Передъ отъѣздомъ рветъ обои.
Смѣясь, рѣшили мы съ тобою:
Нашъ заяцъ — точно Передоновъ!
Въ нихъ поруганье роковое
Цивилизаціи законовъ...
Нашъ заяцъ, точно Передоновъ,
Съ остервенѣньемъ рветъ обои...

Им. «Бѣльскъ». 8 сент. 1916 г.

2.

Ликуетъ тѣло заячье:
По-горло молока!
Свобода далека,
Но сыто тѣло заячье.
Живетъ онъ припѣваючи
И смотритъ свысока.
Въ неволѣ тѣле заячье,
Но вволю молока!

Им: «Бѣльскъ». 8 сент. 1916 г.

ГИРЛЯНДА ТРІОЛЕТОВЪ.

1.

Печальное и голубое,
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
Подумать только — все былое:
Печальное и голубое.
Я въ прошлое свое влюбленъ,
Когда все было молодое...
Печальное и голубое,
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!

2.

Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
Тебѣ, сирень, ледокъ во зноѣ,
Тебѣ, жасминъ, душистый сонъ, —
Тебѣ, мой грёзовый поклонъ!
Тебѣ, бывалое иное,
Тебѣ, весенній унисонъ,
Тебѣ мой грёзовый поклонъ,
Моя сирень, ледокъ во зноѣ!...

3.

Моя сирень, ледокъ во зноѣ.
И ты, гусинолапый клёнъ!
Покойтесь мирно! Спи въ покоѣ,
Моя сирень, ледокъ во зноѣ!
Я равнодушно утомленъ,
Тревожимъ смутною тоскою:
Была сирень — ледокъ во зноѣ...
Былъ онъ — румянолапый кленъ...

4.

Печальное и голубое
Хранитъ гусинолистый клёнъ;
Скрываетъ онъ своей листвою
Печальное и голубое.
Тайнъ никому не выдастъ онъ:
Вѣдь въ немъ молчаніе благое.
Печальное и голубое
Таитъ румянолистый клёнъ.

5.

Таитъ гусинолапый клёнъ
Вамъ чуждое, намъ съ нимъ родное.
Охраной тайны опалёнъ,
Зардѣлъ гусинолистый клёнъ.
Молчаніе его святое.
И, даже подъ бурана стонъ,
Таитъ, — ладонь въ пять пальцевъ, — клёнъ.
Вамъ чуждое, намъ съ нимъ — родное.

6.

Вамъ чуждое, намъ съ нимъ родное
Постигнетъ кто? Лишь небосклонъ
Губерній сѣверныхъ. Мечтою,
Вамъ чуждою, намъ съ нимъ родною,
Изъ насъ съ нимъ каждый упоенъ,
И въ этомъ — наше роковое...
Вамъ чуждое, намъ съ нимъ родное,
Постигнетъ кто? Лишь небосклонъ.

7.

Печальное и голубое,
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
О, ласковое ты и злое
Печальное и голубое!
И я на сѣверѣ рожденъ
Съ печально-голубой душою.
Печальное и голубое,
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!

8.

Ахъ, вамъ мой грезовый поклонъ,
Печальное и голубое.
Васъ обвивающій змѣею,
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
На мигъ минувшимъ осѣненъ,
Я сознаю: въ немъ все пустое.
Но вамъ мой грёзовый поклонъ,
Печальное и голубое!

9.

Печальное и голубое!
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!
Моя сирень — ледокъ во зноѣ —
Печальное и голубое.
Хранитъ гусинолапый клёнъ
Вамъ чуждое, намъ съ нимъ родное.
Печальное и голубое,
Ахъ, вамъ мой грёзовый поклонъ!

Гатчина, декабрь 1916 г.

ПОЭЗА О ПОЭТЕССАХЪ.

Какъ мало поэтессъ! какъ много стихотворокъ!
О; гдѣ дни Жадовской? гдѣ дни Растопчиной?
Дни Мирры Лохвицкой, чей образъ сердцу дорогъ,
Стихъ гармоническій и вѣющій весной?

О, сколько пламени, о, сколько вдохновенья
Въ ихъ свѣтлыхъ творчествахъ вы жадно обрѣли!
Какія дивныя вы вѣдали волненья!
Какъ окрылялись вы, безкрылыя Земли!

Съ какою нѣжностью читая ихъ поэзы
(Иль какъ говаривали прадѣды: стихи...)
Вы на свиданья шли, и грезоваго Грэза
Головки отражалъ озерный малахитъ...

Вы были женственны и женско-героичны,
Царица дѣлалась рабынею любви.
Да, были женственны и значитъ — поэтичны,
И вашу память я готовъ благословить...

А вся безпомощность, святая деликатность,
Готовность жертвовать для мужа и дѣтей!
Не въ томъ ли, милыя, вся ваша беззакатность?
Не въ томъ ли, нѣжныя, вся прелесть вашихъ дней?

Я самъ за равенство, я самъ за равноправье, —
Но... дама-инженеръ? но... дама-адвокатъ?
Здѣсь въ славѣ женщины — неясное безславье
И скорбь отчаянья: Наивному закатъ...

Во имя прошлаго, во имя Сказки Дома,
Во имя Музыки, и Кисти и Стиха,
Не всѣ, о женщины, цѣпляйтесь за дипломы, —
Хоть сотню «глупенькихъ»: отъ «умныхъ» жизнь суха!

Мельчаетъ крупное. Кто — прошлому соперникъ?
Гдѣ просто женщина? гдѣ женщина — поэтъ?
Да, только Гиппіусъ и Щепкина-Куперникъ.
Поэтъ лишь первая; вторая — миръ и свѣтъ....

Есть... есть Ахматова, Моравская, Столица...
Но не довольно-ли? какъ «нѣтъ» звучитъ здѣсь «есть»...
Какая мелочность! И какъ безлики лица!
И модно ихъ имѣть, но нужно ихъ прочесть.

Ихъ много, пишущихъ: ихъ дюжина, ихъ сорокъ!
Ихъ сотни! тысячи! Но кто изъ нихъ поэтъ?
Какъ мало поэтессъ! Какъ много стихотворокъ!
И Мирры Лохвицкой среди живущихъ — нѣтъ!

Им. «Бѣльскъ» 23 августа 1916 г.

НА СМЕРТЬ ВЕРХАРЕНА.

Вновь, Бельгія, невинностью твоей
Играетъ ритмъ чудовищнаго танца:
Лишилась и великаго фламандца,
Лишенная свободы и полей.

И что тебѣ, страдалица, милѣй:
Твоя ли участь жертвеннаго агнца?
Иль розы возмущеннаго румянца?
Иль онъ, поэтъ, какъ нѣкій солнцелей?

Все дорого: и почва, и Верхаренъ.
Твой скорбный взоръ страданьемъ свѣтозаренъ.
Твой гордый духъ насильемъ уязвленъ!

Но вотъ что для меня непостижимо:
Зачѣмъ же онъ, Культура кѣмъ любима,
Ея пѣвецъ — Культурой умерщвленъ?!....

Гатчина. 16 ноября 1916 г.

КОЙТЪ И ЭМАРИКЪ.

(эстляндская легенда о бѣлыхъ ночахъ)
Алексѣю Масанову.

1.

Койтъ, зажигатель солнца, и Эмарикъ, гасунья,
Встрѣтились передъ ночью въ небѣ, весной золотомъ.
Встрѣчею чаровались. Койтъ запылалъ: «Чарунья»...
А Эмарикъ сказала: «Счастье — въ тебѣ молодомъ».
И позабыла махнуть рукавомъ,
И не подула на солнце іюнье,
И ослѣпило оно новолунье
Побѣдоноснымъ лучомъ.

2.

Богъ, Вседержитель неба, Солнечный Вседержитель,
Самъ себя сотворившій, Койта и съ нимъ Эмарикъ,
Богъ разразился гнѣвомъ: «Дерзостные, дрожите, —
Планъ мой нарушить смѣли, оцѣпенившіе мигъ»
Въ небѣ раздался испуганный крикъ:
То растерялись и Койтъ — небожитель,
И Эмарикъ, распустившая нити
Льняныхъ волосъ на свой ликъ.

3.

Но переживъ мгновенье, пламеннымъ чувствомъ смѣлы,
Правы своей любовью, искренностью осмѣлѣвъ,
Койтъ съ Эмарикъ вскричали: «Мы передъ Тобою бѣлы!
Мы передъ Тобой невинны! Твой непонятенъ гнѣвъ».
И Эмарикъ, отъ тоски поблѣднѣвъ,
Облако въ руки взяла и запѣла,
Пѣла о чувствѣ своемъ и блѣднѣла
Блѣдностью дѣвственныхъ дѣвъ...

4.

Онъ справедливъ, Премудрый! Богъ остается Богомъ!
Свѣтлое возмущенье можетъ судью восхитить!
Месть пробуждаетъ правда только въ одномъ убогомъ.
Богъ же всегда былъ Богомъ, пламя готовымъ простить!
И даровалъ Онъ имъ право—любить,
Въ вешнія ночи скрещаться дорогамъ,
Разнымъ путямъ ихъ, и въ этомъ немногомъ —
Счастье умѣть находить!

1916 г. Апрѣль, 19. Гатчина.

БЕЗСТРАСТІЕ ДОСТИЖЕНІЯ.

Назадъ два года наша встрѣча
Не принесла любви твоей:
Ты отвѣчала мнѣ, переча,
Чужому изъ чужихъ людей...

Я полюбилъ тебя поэтно:
Самозабвенно, въ первый мигъ
Пусть не была любовь отвѣтна,
Я не поблекъ, я не поникъ.

Но выдержкою и терпѣньемъ,
Но вѣрою въ любовь свою,
Но пламеннымъ тебя воспѣньемъ
Достигъ, что говоришь: «люблю»

И въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ,
И въ каждомъ взглядѣ на меня
Читаю: «мы два года вмѣстѣ —
Изъ часа въ часъ, въ день изо дня».

О, я увѣренъ былъ, что это
Когда-нибудь произойдетъ,
Что чувство чистое поэта
Въ тебѣ отвѣтное найдетъ!

Но отчего-жъ не торжествую
Своей побѣды надъ тобой?
Тебя я больше не ревную
И не молю: «живи со мной!»

Не потому, чтобъ разлюбилось,
Не потому, чтобъ я остылъ; —
Но сердце слишкомъ быстро билось, —
И я усталость ощутилъ!...

Восторгъ — въ безумствѣ! счастье — въ бредѣ!
Въ лиловой лжи весеннихъ дней!
Безстрастно радуюсь побѣдѣ,
Не зная, что мнѣ дѣлать съ ней!...

1917. Января, 2. Гатчина.

МНѢ ПЛАКАТЬ ХОЧЕТСЯ...

Мнѣ плакать хочется о томъ, чего не будетъ,
Но что, казалось бы, свободно быть могло...
Мнѣ плакать хочется о невозможномъ чудѣ,
Въ твои, Несбывная, глаза смотря свѣтло...

Мнѣ плакать хочется о праздникѣ вселенскомъ,
Гдѣ Справедливость облачается въ виссонъ...
Мнѣ плакать хочется о чемъ-то деревенскомъ,
Такомъ болѣзненномъ, какъ бѣлый майскій сонъ...

Мнѣ плакать хочется о чемъ-то многомъ, многомъ
Неудержимо, безнадежно, горячо
О нелюбимомъ, о безправномъ, о безногомъ,
Но большей частью — ни о комъ и ни о чёмъ...

1917. Январь, 13. Гатчина.

КАВКАЗСКАЯ РОНДЕЛЬ.

Январьскій воздухъ на Кавказѣ
Повѣялъ сѣвернымъ апрѣлемъ.
Моя любимая, раздѣлимъ
Свою любовь, какъ розы — въ базѣ....
Ты чувствуешь, какъ въ этой фразѣ
Насыщены всѣ звуки хмелемъ?
Январьскій воздухъ на Кавказѣ
Повѣялъ сѣвернымъ апрѣлемъ.

ПОЭЗА ЮЖИНУ.

На мотивъ Виктора Гофмана.

Весеннее! весеннее! какъ много въ этомъ словѣ!
Вы, одуванчики, жасмины и сирень!
Глаза твои, глаза! они какъ-бы лиловѣй,
Они сиреневѣй въ весенній этотъ день!

Любимая! любимая! какъ много въ этомъ звукѣ!
Уста улыбныя и синева рѣсницъ...
Уста твои, уста! о что-же въ нихъ за муки,
Святая изъ святыхъ! блудница изъ блудницъ!

Люблю тебя, люблю тебя! и буду вѣчно — вѣчно
Любить тебя, моя! всё вылилось въ моей...
О, какъ же ты добра, прекрасна и сердечна,
Мой Южикъ! мой бокалъ! поэзосоловей!

1917. Январь, 27. Тифлисъ.

ПОЭЗА БѢЛОЙ СИРЕНИ.

Бѣлой ночью въ бѣлыя сирени,
Призракомъ возникшія, приди,
И цѣлуй и нѣжь, и на груди
Дай упиться сонмомъ упоеній...
И цѣлуй, и нѣжь, и утруди...

Бѣлой ночью бѣлые привѣты...
Ласкъ больныхъ весеннихъ полусны...
И любовь, и вѣянье весны...
Полутемени и полусвѣты...
И любовь.... И чувства такъ лѣсны...

Эта ночь совсѣмъ, совсѣмъ живая!
Въ эту ночь приди ко мнѣ, приди!
И судьбу свою опереди...
А сирень цвѣтетъ, слегка кивая!
А любовь растетъ, легко, въ груди!

1917 іюнь. Гатчина.

ГАТЧИНСКІЙ ВЕСЕННІЙ ДЕНЬ.

Тридцатый годъ въ лицо мнѣ вѣетъ
Веселый свѣтлый майскій день.
Тридцатый разъ сиреневѣетъ
Въ саду душистая сирень.

«Сирень» и «день»! нѣтъ рифмъ банальнѣй!
Милѣй и слаще нѣтъ зато!
Кто знаетъ рифмы музыкальнѣй
И вдохновеннѣй — знаетъ кто?!...

«Сирень» и «день»! какъ опьяненно
Звучите вы въ душѣ моей!
Какъ я на міръ смотрю влюбленно,
Пьянъ сномъ сиреневыхъ кистей!

Пока я живъ, пока я молодъ,
Я буду вѣчно пѣть сирень!
Весенній день горячъ и золотъ, —
Виновныхъ нѣтъ въ весенній день!

1917, 31 мая. Гатчина.

ПОЭЗА РАЗЪЯСНЕНІЯ.

Мои стихи не очень вдохновенны
Послѣдній годъ...
Не вдохновенны оттого, что плѣнны.
А я все тотъ...

Я не могу сказать всего, что надо,
Хотя могу...
И чтобъ не лгать реально, — вотъ досада, —
Фантазно лгу.

Да, нашихъ дней волнующая проза —
Больной вопросъ...
А потому — Миррэлія — какъ грёза, —
Взамѣнъ всехъ прозъ!...

1916. Ноябрь, 9. Гатчина.

ПОЭЗА АЛЫХЪ ТУФЕЛЬ.

Ало-атласныя туфли были поставлены на столъ,
Но со стола поднимались и прижимались къ губамъ.
Создалъ сапожникъ—художникъ, а инженеръ вами
хвасталъ:
Ало-атласныя туфли глазъ щекотали гостямъ!..

Ало атласныя туфли, вы на подобіе гондолъ,
Помните температуру требовательной ноги?
Ало-атласныя туфли, сколько купившій васъ отдалъ
Разума и капитала — знаетъ одинъ Ибрагимъ...

Ало-атласныя туфли съ дымчатымъ кроличьимъ мѣхомъ
Грѣлись кокетно въ ладоняхъ и утопали въ коврахъ,
Топали въ пламенномъ гнѣвѣ, то содрогались вы
смѣхомъ,
Васъ на подносахъ носили на вакханальныхъ пирахъ!

Плавали бурно въ шампанскомъ, кушали пряныя
трюфели,
Аэропланомъ взлетали, били мужчинъ по щекамъ.
Ало-атласныя туфли! ало-атласныя туфельки!
Вы, чьи носки къ молодежи! чьи каблуки къ старикамъ!

1917. Октябрь, 15. Петроградъ.

ГЕНІЙ ЛОХВИЦКОЙ.

Я Лохвицкую ставлю выше всѣхъ:
И Байрона, и Пушкина, и Данта.
Я самъ блещу въ лучахъ ея таланта,
Побѣдно обезгрѣшившаго Грѣхъ:

Познавъ ее, позналъ, что нѣтъ ни зла,
Нѣтъ ни добра, — есть два противорѣчья,
Двѣ силы, всѣхъ влекущія для встрѣчи,
И обѣ — свѣтъ, душа познать могла.

О, Богъ и Чортъ! изъ васъ вѣдь каждый правъ!
Вы — символы предмірнаго контраста!
И счастливъ тотъ, о комъ заботясь часто,
Вселяется въ него, другихъ поправъ.

И въ комъ васъ одинаково, тотъ благъ:
Тотъ знаетъ страсть, блаженство и страданья,
Тотъ любитъ жизнь, со смертью ждетъ свиданья.
И тотъ великъ, какъ чародѣй, какъ магъ!

И грѣхъ, и добродѣтель — красота,
Когда ихъ воспринять благоговѣйно.
Такъ Лохвицкая просто, беззатѣйно.
Открыла двухъ боговъ и два креста.

1912. Іюль. Веймарнъ.

ПРОМЕЛЬКЪ.

И въ злѣ добро, и въ добромъ злоба,
Но нѣтъ ни добрыхъ, нѣтъ ни злыхъ.
И правы всѣ, и правы оба, —
Ихъ правоту поетъ мой стихъ.

И нѣтъ ни шведа, ни японца:
Есть всюду только человѣкъ,
Который подъ ненужьемъ солнца
Живетъ свой жалкій полувѣкъ.

21. Дек. 1917 г. Петроградъ.

КЪ ШЕСТИЛѢТІЮ СМЕРТИ ФОФАНОВА.

Какъ это такъ могло случиться,
Что могъ онъ въ маѣ умереть,
Когда все жаждетъ возродиться
И сокомъ жизненнымъ кипѣть?

Пѣвецъ весны, пѣвецъ сирени
И майскихъ фей, и соловьевъ,
Чьей лиры струны такъ весенни,
Чей стихъ журчливѣе ручьевъ, —

Какъ могъ онъ, этотъ вешнепѣвецъ,
Какъ онъ сумѣлъ, какъ онъ посмѣлъ
Уйти отъ плещущихъ деревьецъ
И отъ кипящихъ маемъ тѣлъ?!...

На скорбь обрёкъ живыхъ умершій,
На осень онъ весну обрёкъ.
Что можетъ быть больнѣй и горше,
Чѣмъ умолканье вешнихъ строкъ?

Все не могу я надивиться
И всё дивиться буду впредь:
Какъ это такъ могло случиться,
Что могъ онъ въ маѣ умереть?

1917. Іюнь. Мыза «Ивановка».

РОССИНИ.

Сонетъ.

Отдохновенье мозгу и душѣ
Для дѣвушекъ и правнуковъ понынѣ...
Оркестровать улыбку Бомарше
Могъ только онъ, эоловый Россини.
Глаза его мелодій ясно — сини,
А ихъ языкъ понятенъ въ шалашѣ.
Пусть первенство мотивовыхъ клише
И графу Альмавивѣ, и Розинѣ.

Мигъ музыки переживетъ вѣка,
Когда его природа глубока, —
Эпиталамы или панихиды!

Россини — это вкрадчивый апрѣль.
Идиллія селянъ «Вильгельма Телль».
Кокетливая трель «Семирамиды».

1917. Октябрь. Петроградъ.

ПОЭЗА БЫВШЕМУ ЛЬСТЕЦУ.

Одному изъ многихъ.

Какъ Вы могли, какъ Вы посмѣли.
Давать болтливый мнѣ совѣтъ?
Да Вы въ себѣ-ль? да Вы въ умѣ-ли?
Зачѣмъ мнѣ Вашъ «авторитетъ»?

Вы, мелкій журналистъ и лекторъ,
Чья спеціальность — фельетонъ,
Какъ смѣли взять меня въ свой спекторъ?
Какъ смѣли взять свой наглый тонъ?

Что это: зависть? «порученье»?
Иль просто дурня болтовня?
Ничтожества ли озлобленье
На свѣтозарнаго меня?

Вы хамски поняли свободу,
Мой бывшій льстецъ, въ искусствѣ тля,
И нынѣ, соблюдая моду,
Поносите Вы короля!

Прочь! прочь! а ну Васъ къ Николаю!
«Работайте» на экс-царѣ!
Я такъ пишу, какъ я желаю, —
Нѣтъ прозы на моемъ перѣ!...

А Вы, аборигенъ редакцій,
Лакей газетныхъ кулаковъ,
Членъ подозрительнѣйшихъ фракцій,
Типъ, что «всегда на всё готовъ»...

Вы лишь одна изъ грязныхъ кочекъ
Въ моемъ пути, — что мнѣ до нихъ?
И лучшая изъ Вашихъ строчекъ —
Всё-жъ хуже худшей изъ моихъ!

Не только Вашъ апломбъ пигмея, —
Апломбъ гигантовъ я презрѣлъ,
И вотъ на Васъ льстеца и змѣя,
Свой направляю самострѣлъ!

Да ослѣпитъ Васъ день весенній,
И да не знаютъ Васъ вѣка!
Вы — лишь посредственность — я геній!
Я Васъ не вижу свысока!

1917. Мартъ, 31. Гатчина.

III.

РЕВОЛЬВЕРЫ РЕВОЛЮЦІИ.

ГИМНЪ РОССІЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Свобода! Свобода! Свобода!
Свобода вездѣ и во всёмъ!
Свобода на благо народа!
Да радуемся! да живёмъ!

Мы, русскіе республиканцы, —
Отсталымъ народамъ примѣръ!
Пусть флаговъ пылаютъ румянцы!
Сверкаетъ въ рукахъ револьверъ!

Побѣда! Побѣда! Побѣда!
Надъ каждымъ въ Европѣ царёмъ!
Побѣда — расплата за дѣда!
Да радуемся! да живемъ!

Столѣтья царями тѣснимы,
Прозрѣли въ предвешніе дни:
Во имя Россіи любимой
Царь свергнутъ, — и вотъ мы одни!

Трудъ, равенство, миръ и свобода,
И пѣсня, и кисть со стихомъ —
Отнынѣ для счастья народа!
Да радуемся! да живемъ!

1917. Гатчина—Петроградъ.

ВСѢ — КАКЪ ОДИНЪ.

Народу русскому дивитесь:
Орлить насталъ его чередъ!
Возсталъ изъ нѣдръ народныхъ витязь
И спасъ отъ деспота народъ.

Не важно знать — какое имя
Носилъ народа лучшій сынъ,
Не важно знать — онъ шелъ какими
Путями къ пламени вершинъ.

Но онъ пришелъ, освободитель!
Но онъ возникъ! но онъ возсталъ!
И голосъ былъ: «За мной идите!» —
Не громъ ли то прогрохоталъ?

Всѣ, какъ одинъ, рванулись люди
За счастьемъ! за мечтой! за сномъ!
Всѣ, какъ одна, вздохнули груди.
Одно — во всѣхъ, и всѣ — въ одномъ!

Но незачѣмъ итти имъ стало, —
Свобода къ нимъ изъ-за угла.
Въ глазахъ, какъ солнце, заблистала
И въ душахъ факелы зажгла.

И улыбнулась имъ Свобода:
«Всѣ, какъ одинъ! Вотъ въ чёмъ секретъ
Удачи зрѣлаго народа...
Иныхъ путей къ свободѣ нѣтъ!»

Благословленъ да будетъ витязь,
Воспламенившій всѣхъ впередъ!
Народу русскому дивитесь:
Примѣръ народамъ — мой народъ!

1917. Мартъ, 5. г. Орелъ.

МОЕМУ НАРОДУ *).

Народъ оцаренъ! царь низложенъ!
Свободны слово и печать!
Языкъ остеръ, какъ мечъ безъ ноженъ!
Жизнь новую пора начать!

Себя царями осознали
Еще вчерашніе рабы,
Разбили вздорныя скрижали
Велѣньемъ солнечной судьбы.

. . . . .

. . . . .

. . . . .

1917. Мартъ. Москва.

*) Эта поэза, какъ и весь отдѣлъ третій, возстанавливается авторомъ по памяти въ февралѣ 1919 г. въ Тойлѣ. Рукописи оставлены въ февралѣ 1918 г. въ Москвѣ у О. Я. Долидце. Въ поэзѣ „Моему народу“ авторъ помнитъ всего 2 первыхъ строфы.

И ЭТО — ЯВЬ?..

И это — явь? не сновидѣнье?
Не обольстительный обманъ?
Какое къ жизни возрожденье!
Я плачу! я свободой пьянъ!

Какъ! неужели все, что въ мысляхъ,
Отнынѣ и на языкѣ?
Никто въ Сибирь не смѣетъ выслать?...
Не смѣетъ утопить въ рѣкѣ?...

Повѣрить трудно: вдругъ всё ложно!
Трепещетъ страстной мукой стихъ...
Но невозможное — возможно
Въ странѣ возможностей большихъ!

1917. Мартъ. Москва.

БАЛЛАДА XII.

«Когда отечество въ огнѣ,
И нѣтъ воды — лей кровь, какъ воду».
Вотъ что въ укоръ поставить мнѣ
Придется вольному народу:
Какъ могъ я, любящій свободу,
Поющій грёзовый запой,
Сказать абсурдъ такой въ угоду
Порыву гордости слѣпой?!...

Положимъ, гдѣ-то въ глубинѣ
Своей души я эту «коду»
Тогда-жъ отбросивъ, какъ во снѣ,
Пыталъ и прозрѣвалъ природу.
И вскорѣ же обрѣлъ я оду
Любви и радости земной,
Проклятью предалъ я невзгоду
Порыва гордости слѣпой.

«Стихи въ ненастный день» — зане
Вотъ увертюра къ любвероду.
Они возникли въ вышинѣ,
Подобные громоотводу.
Не минами грузи подводу,
А книжекъ кипою цвѣтной,
Лей зрячую, живую воду
На вѣки гордости слѣпой!

Проклятье пасмурному году,
Міръ зачумившему войной,
И выродившемуся роду
Державной гордости слѣпой!

1917. Апрѣль. Гатчина.

БАЛЛАДА XIII.

Не поняты моей страной
«Стихи въ ненастный день», три года
Назадъ написанные мной
Для просвѣтлѣнія народа.
Въ нихъ — радость; счастье и свобода,
И жизнь, и грёзы, и сирень!
Они свободны, какъ природа,
Мои «стихи въ ненастный день»!

Не тронута моей струной
Осталась рабская порода.
Зерно, посѣянное въ зной,
Не принесло тогда приплода.
Что для моральнаго урода
Призывъ къ любви? уродъ — какъ пень...
Затмила дней ненастныхъ мода
Мои «стихи въ ненастный день».

И только этою весной
Народъ, почуявъ ледохода
Возможность ранняго, волной
Потекъ, волною вешневода,
Разлился, не оставивъ брода
Для малодушныхъ, свергнулъ лѣнь
И осознался. Прочь, невзгода!
Впередъ, «стихи въ ненастный день»!

И я, издревле воевода,
Кричу въ просторы деревень:
Что какъ не человѣку ода —
Мои «стихи въ ненастный день»?!

1917. Апрѣль. Гатчина.

БАЛЛАДА XIV.

Должна быть кончена война,
При томъ — во что бы то ни стало:
Измучилась моя страна,
Нечеловѣчески устала.
Есть примѣненье для металла
Гораздо лучше, чѣмъ твой братъ.
Да свергнутъ ужасъ съ пьедестала
Министръ, рабочій и солдатъ!

Должна быть вамъ троимъ видна
(Иль вамъ трехъ лѣтъ кровавыхъ мало?)
Смерть, что распутна и жадна,
Зѣвъ гаубицы, сталь кинжала.
Изъ пасти смерти вырвавъ жало,
Живи, живой, живому радъ!
Не, я — вамъ это жизнь сказала,
Министръ, рабочій и солдатъ!

Все, все въ крови: вода, луна,
Трава, лампасы генерала.
Въ крови зеленая весна,
Смѣнила кровь вино бокала.
Кровь всё покрыла, захлестала.
Для крови нѣтъ уже преградъ.
У васъ глаза сверкаютъ ало,
Министръ, рабочій и солдатъ!

Взгляните на себя сначала:
Не вами-ль созданъ этотъ адъ?
Долой войну! долой Ваала!
Министръ, рабочій и солдатъ!

1917. Апрѣль. Гатчина.

БАЛЛАДА XV.

Блюдите фронтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ
Немедленно въ переговоры
Вступите съ нѣмцами, затѣмъ
Надеждой озарите взоры.
Ни вамъ нѣмецкіе позоры,
Ни нѣмцамъ — русскіе, — нужны
Тѣмъ и другимъ полей просторы
И ласка любящей жены!

Зачѣмъ же ужасъ вамъ? зачѣмъ
Боль ранъ и смерть, и всѣ раздоры?
Чѣмъ оправдаете вы, чѣмъ
Пролитье крови? мертвыхъ хоры
Васъ, не тревожатъ? ихъ дозоры
Въ часъ полуночной тишины
Не вызываютъ васъ на споры
О слёзахъ любящей жены?

Нѣтъ во вселенной лучше темъ,
Чѣмъ тема: лѣсъ, поля и горы.
Кто съ этимъ не согласенъ — нѣмъ.
Кроту милѣе солнца — норы.
А какъ плѣнительны озера,
Бубенчикъ — ландышъ, плескъ луны,
Улыбка въ небесахъ Авроры
И взоры любящей жены.

Иль мы, поэты, фантазёры,
И вамъ въ окопахъ не слышны
Ни наши нѣжные укоры,
Ни голосъ любящей жены? ...

1917. Апрѣль. Гатчина.

БАЛЛАДА XVI.

Жизнь человѣка одного —
Дороже и прекраснѣй міра.
Біеньемъ сердца моего
Дрожитъ воскреснувшая лира.
Во имя заключенья мира,
Во имя жизни торжества
Пускай изъ злата и сафира
Пребудутъ вѣщія слова!

Да вспыхнетъ жизни торжество,
И да преломится рапира.
. . . . . .
Отъ Бергена и до Каира,
Отъ древне - персидскаго Кира
И вплоть до человѣка Льва, —
Свѣтлѣй счастливаго Маира, —
Пребудутъ вѣщія слова.

Все для него, все для него, —
Отъ мелкой мошки до тапира, —
Для человѣка, для того,
Кто мыслитъ: на подобье пира
Устроить жизнь, и вѣчно сиро
Живетъ, какъ птица, какъ трава...
Для свѣтозарнаго эмпира.
Пребудутъ вѣщія слова!

Отнынѣ въ синевѣ эфира,
Полны святого волшебства...
И струй благоуханья муро,
Пребудутъ вѣщія слова.

1917. Апрѣль. Гатчина.

БАЛЛАДА XVII.

Вселенецъ — анти-патріотъ,
Но къ человѣку человѣченъ:
Надъ братомъ онъ не занесетъ
Меча, въ своемъ вселенствѣ вѣченъ.
Онъ завистью не искалѣченъ,
Не свойственно вселенцу зло.
Онъ мягокъ, кротокъ и сердеченъ,
И смотритъ мудрый взглядъ свѣтло.

Я вѣрю: мой родной народъ
Вселенствомъ душъ давно отмѣченъ.
Я говорю: старинный гнетъ
Моей страны навѣкъ отлѣченъ.
Вознагражденъ, увѣковѣченъ,
Народъ, забывъ свое тягло.
Достойно день свободы встрѣченъ. —
И такъ надежно, такъ свѣтло!

Я чувствую: уже грядетъ
Желанный миръ (онъ обезпеченъ!)
Вновь нѣмецъ русскому пожметъ,
Какъ брату, руку, дружно встрѣченъ.
И міръ, отъ дикихъ войнъ излеченъ,
Въ музей поставитъ подъ стекло
Промозглыхъ патріотовъ печень —
(Зародышъ войнъ!) смотря свѣтло.

Пошлемъ привѣтъ грядущей встрѣчѣ
И озаримъ свое чело:
Вселенцы сходятся на вѣче,
Чтобъ жить и мудро, и свѣтло.

1917. Апрѣль. Гатчина.

ТРАГИЧЕСКАЯ ПОЭЗА.

О, что за ужасный кошмаръ:
Исполненные вольной нови,
Мы не хотимъ пролитья крови
Но жаждемъ крови земный шаръ!...

Людскою кровью онъ набухъ, —
Вотъ-вотъ не выдержитъ и лопнетъ...
Никто не ахнетъ и не охнетъ,
И смерть у всѣхъ захватитъ духъ.

Ну что-жъ! пусть — коли суждено!
Но мнѣ обидно за Россію:
Свободу обрѣтя впервые,
Погибнетъ съ міромъ заодно...

Хоть «на міру и смерть красна»,
Но жизнь то, жизнь ея въ расцвѣтѣ!
Теперь бы ей и жить на свѣтѣ,
Когда свободна и ясна.

Что-жъ, вновь за мечъ? что-жъ, вновь въ окопъ?
Отстаивать свою свободу?
Лить кровь людскую, словно воду,
И, какъ въ постель, ложиться въ гробъ?!...

Я не могу, не смѣю я
Давать подобные совѣты...
Дороже этой всей планеты —
Жизнь неповторная твоя!

А если нѣтъ? А если нѣтъ,
Какъ насмѣется врагъ надъ нами,
Надъ женами, надъ матерями!
Тогда на что же намъ и свѣтъ?...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не защищать,
Не рисковать — погибнуть все же.
Что дѣлать намъ, о Боже! Боже!
На насъ — заклятія печать!...

Одна надежда, что солдатъ
Германскій, вдохновляемъ вѣкомъ,
Стать пожелавши человѣкомъ,
Протянетъ руку намъ, какъ братъ...

Такъ сбрось послѣдняго царя,
Европа старая, съ престола:
Забрежжитъ съ легкостью эола
Надъ міромъ мирная заря!

О, какъ ничтоженъ человѣкъ,
Хотя бы даже геніальный,
Предъ мыслью глубоко-печальной
О мертвой жизни всѣхъ калѣкъ!

1917. Апрѣль. Гатчина.

КАПРИЗЪ ЦАРЯ.

Царь на конѣ, съ похмелья и въ дремотѣ.
И нищая красавица въ лѣсу.
Развратница въ забрызганныхъ лохмотьяхъ,
Похожая на рыжую лису...

Смѣется царь: «Когда бы были сѣдла!..
Но, можетъ быть, ко мнѣ Вы на сѣдло?»
Безстыдница расхохоталась подло,
Смотря въ глаза вульгарно, но свѣтло:

— У Вашего Величества есть кони,
И если не съ собой, то при дворѣ...
Вы ихъ не пожалѣйте для погони, —
Тогда мой трупъ настигнутъ на зарѣ.

А я... А я ни за какія средства
Не смѣю сѣсть въ одно сѣдло къ царю:
Я — нищая, и я порочна съ дѣтства.
И съ Вами мнѣ не мѣсто, говорю».

Царь запылалъ и загремѣлъ онъ: «Падаль!
Какъ смѣла ты разинуть рабскій зѣвъ?»
Съ коня онъ слѣзъ и — поясненье надо-ль? —
Царь взялъ ее, какъ чортъ, разсвирѣпѣвъ.

Онъ билъ ее, онъ жегъ ее нагайкой,
То цѣловалъ, то рвалъ за волоса...
И покраснѣло солнце надъ лужайкой,
И, какъ холопы, хмурились лѣса.

А нищая, въ безумьи отъ побоевъ,
Громила тронъ царя — до хрипоты:
— Моя болѣзнь взята самимъ тобою, —
Страдай, дуракъ: меня не понялъ ты! —

1911. Село «Дылицы».

ПОЭЗА ИСТИНЫ.

Въ ничемъ — ничто. Изъ ничего вдругъ — Что-то.
И это — Богъ!
Въ самосозданьи не далъ Онъ отчёта, —
Кому-бъ Онъ могъ?
Онъ захотѣлъ создать Себя и создалъ,
Собою правъ.
Онъ — Эгоистъ. И это такъ же просто,
Какъ — запахъ травъ.
Богъ создалъ свѣтъ, но не узнали люди,
Какъ созданъ свѣтъ.
И поэтично грезить намъ о чудѣ,
И Богъ — поэтъ!
И люди всѣ — на Божіе подобье:
Мы — богодробь.
И если мы подвластны вѣчной злобѣ,
Отбросимъ скорбь:
Не уничтоженъ Богомъ падшій ангелъ,
Не умерщвленъ.
Онъ — въ женщинѣ, онъ въ бѣшеномъ мустангѣ,
Повсюду онъ.
Такъ хочетъ Богъ. Мечты Его пречисты,
И взоръ лучистъ.
Природа, Богъ и люди — эгоисты:
Я — эгоистъ!

1912. Лѣто. Веймаръ.

ПОЭЗА ОПРАВДАНІЯ.

Я — Демонъ, геній зла! Я Богомъ пренебрёгъ!
За дерзостный Мой взлетъ Богъ возгордился Мною,
Какъ перломъ творчества, какъ лучшею мечтою,
Вѣнцовъ своихъ заботъ, вѣнцомъ своихъ тревогъ.
Я — Демонъ, геній зла! Я Богомъ пренебрёгъ!

Но Я Его люблю, какъ любитъ Онъ Меня:
Меня ожизнилъ Богъ, экстазомъ осіянный!
И нынѣ Я Его привѣтствую «Осанной»!
Я, Демонъ, геній тьмы, пою Поэта дня
И Я Его люблю, какъ любитъ онъ Меня!

Меня внѣ Бога нѣтъ: Мы двое — Эгобогъ.
Извѣчно Мы божимъ, но насъ не понимали.
О, человѣчество! въ надсолнечной эмали
Начертаны слова, какъ упоенья вздохъ:
«Нѣтъ Богъ внѣ Меня! Мы двое — Эгобогъ!»

1912. Лѣто. Веймарнъ.

ПОЭЗА НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ.

Ѳедору Сологубу.

Остритесь, ядовыя иглы!
Плетись, изысканный тернецъ!
Мы зрить Антихриста достигли,
Свой оголгоѳили конецъ.

Грядетъ, иллюзно опобѣденъ,
Какъ нѣкогда Христосъ, Протестъ.
И онъ истражденъ, чахлъ и блѣденъ
Женихъ незачатыхъ невѣстъ...

Нашъ эшафотъ — не въ Палестинѣ
У плодоструйныхъ жирныхъ водъ,
А въ отѣлесенной пустынѣ
Въ столицѣ Культры эшафотъ.

Moderne — Голгоѳа измелчала:
Не три креста, а милліардъ.
Но тамъ и здѣсь — одно начало,
Одно заданье и азартъ.

Мы, двойственные изначально,
Растерянно даемъ вопросъ:
«Антихристъ, у Христа опальный, —
Не псевдонимный ли Христосъ?»

1913.

НАЧАЛЬНИКИ И РЯДОВЫЕ!

Начальники и рядовые,
Вы, проливающіе кровь,
Да потревожатъ васъ впервые
Всеоправданье и любовь!

О, если бы въ душѣ солдата —
Но каждаго! но навсегда! —
Сіяла благостно и свято
Всечеловѣчности звѣзда!

И если-бъ жизнь — живи! не мѣшкай! —
Какъ неотъемлемо — свое
Любилъ ты истинно, съ усмѣшкой
Ты только гладилъ бы ружье!

И если-бъ, ты, рабъ оробѣлый, —
Но человѣкъ! но царь! но богъ! —
Души своей, какъ солнце — бѣлой,
Познать всю непобѣдность могъ!

Тогда сказали бы всѣ дружно:
«Я не хочу — мы не хотимъ!»
И разсмѣялись бы жемчужно
Надъ повелителемъ своимъ!

Кого-бъ тогда онъ вёлъ къ разстрѣлу?!...
Ужели всѣхъ? ужели-жъ всѣхъ?!...
Вотъ солнце вышло и запѣло,
И всюду — звонъ, и всюду — смѣхъ!

О, споры, вы, что неизбѣжны,
Какъ хлѣбъ, мы нужно васъ жуемъ,
Солдаты! люди! будьте нѣжны
Съ незлобивымъ своемъ ружьемъ.

Не разрѣшайте спора кровью, —
Вѣдь споръ ничѣмъ неразрѣшимъ.
Всеоправданьемъ, вселюбовью
Мы никогда не согрѣшимъ.

Сверкайте, сабли! стройтесь, ружья! —
Игрушки удалой весны
И мірового златодружья
Легко бряцающіе сны!

Сверкайте, оголяйтесь, сабли!
Переливайтесь, какъ ручей!
Но чтобы души не ослабли,
Ни капли крови и ничьей!

А если молодо — безумно,
И если пиръ, и если май,
Чтобъ было весело и шумно,
Безцѣльно въ небеса стрѣляй!

1914. Сентябрь. Мыза «Ивановка».

ГАЗЕТЧИКИ НА ЮПИТЕРѢ.

Первый:

— Экстренное прибавленіе къ «Юпитерскому Извѣстію»:
Антихриста Маринетти на землю — планету пришествіе!
Лишенье земли невинности! Кровавое сумасшествіе!
Экстренное прибавленіе къ «Юпитерскому Извѣстію»!

Второй:

— Къ «Юпитерскому Извѣстію» экстренное прибавленіе:
Разрушенье старинныхъ памятниковъ! Цивилизацій разгноеніе, —
Пробужденный инстинктъ человѣчества — жажда самоистребленія...
Къ «Юпитерскому Извѣстію» экстренное прибавленіе!

Третій:

— Экстренное прибавленіе къ «Извѣстію Юпитерскому»:
Земля, обезумѣвъ, какъ волосы, всѣ сады и лѣса свои выдергала...
Статья профессора Марсова: «Апоѳеозъ вселенскаго изверга».
Экстренное прибавленіе къ «Извѣстію Юпитерскому».

Четвертый:

— Къ «Извѣстію Юпитерскому» прибавленіе экстренное:
Поэтовъ и свѣтлыхъ мыслителей на землѣ положеніе
бѣдственное...

Пятый:

— Еще, еще прибавленіе, — почти уже безтекстенное:
Земля провалилась въ хаосъ! Купите, самое экстренное!

1914.

УМАЛИШЕННАЯ.

На — дняхъ Земля сошла съ ума
И, точно дѣвка площадная,
Скандалитъ, бьетъ людей, въ дома
Врывается, сама не зная —
Зачѣмъ ей эта кутерьма.

Плюетъ изъ пушекъ на поля
И парится въ кровавыхъ баняхъ.
Чудовищную чушь меля,
Извиртуозничалась въ брани
Умалишенная земля.

Попробуйте спросить ее:
«Въ твоей болѣзни кто въ отвѣтѣ?»
Она завоетъ: «Сѣти — въ лѣтѣ!
Лишилъ невинности мое
Святое тѣло Маринетти!..

Антихристъ! анархистъ! маклакъ!
Модернизованный Іуда!
Я не могу.. Мнѣ худо! худо!»
Вдругъ завопитъ и, сжавъ кулакъ,
Отсебя бросится, — отсюда.

Она безумна, — это фактъ.
Но мы безразумны, а это —
Не сумасшедшіе. Поэты,
Составимте объ этомъ актъ
И устремимся на планеты,
Гдѣ всё живое бьется въ тактъ.

1914.

ПИРЪ БРАТАНІЯ.

Увлажненное послѣгрозье...
И блаже женственная лань...
И слаже роза жмется къ розѣ...
Журчанье крови, какъ шампань.

О, мельницъ молнійныхъ зигзаги!
Раздробленные жернова!
Какіе пѣсни, сказы, саги!
Какіе грёзы и слова!

На пиръ всемірнаго братанья
Спѣши, воистину живой,
Объятый трепетомъ свиданья
Съ весною, дѣвой огневой!

Цѣлуйте, дѣвушки, гранатно
Живыхъ возлюбленныхъ своихъ:
Ахъ, развѣ же невѣроятно,
Что материнство — для живыхъ?

Мужи! не будьте въ праздникъ праздны,
И, точно пули изъ ружья,
Мечите зёрна въ дѣвъ экстазно:
Теперь — всѣ жены! всѣ мужья!

Весной дарована свобода
Для возсозданія людей.
Ликуй же, юная природа!
Любись, живи и жизни дѣй!

1914.

МУЖЬЯ ЗЕМЛИ.

Живи, какъ хочешь, какъ умѣешь.
Какъ можешь, — но живи! живи!
Ты обезжизниться не смѣешь
Запретомъ жизни и любви!

Мы — люди, это значитъ — боги!
И если рабствомъ сражены,
Такъ рабствомъ рыцарей. Мы — ноги,
И мы мужья земли — жены.

Прекрасна наша Грёзопѣва
Въ своемъ безчисліи именъ:
Весна и жизнь, и женодѣва, —
Все та же явь, все тотъ же сонъ!

Жить безъ любви — не жить бы вовсе!
Но можетъ ли не жить живой?...
Рожденный, въ рыцари готовься
Къ своей землѣ святонагой!

Быть рыцаремъ святой блудницы —
Вѣдь это значитъ богомъ быть!
Расти, трава! летайте, птицы!
Давайте жить! давайте жить!

1914.

ПОРА КОНЧАТЬ!

Пора кончать! Пожалуй, слишкомъ
Вы далеко уже зашли
И алымъ предались излишкамъ
Для удобренія земли!...

Пора кончать! вѣдь, кромѣ смерти,
Жизнь существуетъ на землѣ...
Въ аду ублажены всѣ черти,
Глумясь на вашихъ тѣлъ золѣ...

Пора кончать! воздвигни знамя!
«Любовь и жизнь!» — зажги на немъ.
Пора кончать! иль кончитъ съ вами
Готовый грянуть Божій громъ!

Пора кончать! остановитесь!
Довольно Бога искушать!
Вотъ сходитъ съ неба бѣлый витязь
И молитъ васъ: «пора кончать!»

1916. Ноябрь. Гатчина.

ПОЭЗА СТРОГОЙ ТОЧНОСТИ.

Борису Вѣрину.

Искусство — въ загонѣ, сознаемся въ этомъ:
Искусство затмила война!
Что дѣлать въ разбойное время поэтамъ.
Поэтамъ, чья лира нѣжна?

Дни розни партійной для насъ безотрадны, —
Дни мелкихъ, ничтожныхъ страстей.
Мы такъ неумѣстны, мы такъ невпопадны
Среди озвѣрѣлыхъ людей.

Мы такъ равнодушны къ ихъ жалкимъ раздорамъ
И къ ихъ интересамъ мертвы.
Мы тянемся къ рѣкамъ и къ вольнымъ просторамъ
И въ шолковый шопотъ травы.

Мы искренне славимъ паденье престоловъ
Во имя свободы людской!
Но если и послѣ царей вы въ тяжелыхъ
Раздорахъ, — мы машемъ рукой!

Союзникъ царизма — для насъ не союзникъ,
Какъ недругъ царизма — не врагъ.
Свободный художникъ зачахнетъ, какъ узникъ,
Попавъ въ политическій мракъ.

Намъ пакостны ваши враждебные будни:
Мы вѣчнымъ искусствомъ горимъ.
Вы заняты «дѣломъ», а мы — только «трутни»,
Но званьемъ гордимся своимъ!

Отправьте-жъ искусство куда-нибудь къ миѳу:
Трещитъ отъ него материкъ!..
И кланяйтесь въ поясъ Голодному Тифу, —
Диктатору вашихъ интригъ!

1917. Іюнь, 13. Мыза «Ивановка».

ПОЭЗА ПОСЛѢДНЕЙ НАДЕЖДЫ.

Не странны ли поэзовечера,
Безсмертнаго искусства карнавалы,
Въ странѣ, гдѣ «завтра» хуже, чѣмъ «вчера».
Которой, можетъ быть, не быть пора,
Въ странѣ, гдѣ за обвалами — обвалы?

Но не страннѣй ли этихъ вечеровъ
Идущіе на нихъ? да кто вы? — дурни,
Въ разгаръ чумы кричащіе: «Пировъ!»
Или и впрямь фанатики даровъ
Поэзіи, богини всѣхъ лазурнѣй!..

Поэтъ — всегда поэтъ. Но вы — то! вы!
Случайные иль чающіе? кто вы?
Я только что вернулся изъ Москвы,
Гдѣ мнѣ рукоплескали люди — львы,
Кто за искусство жизнь отдать готовы!

Какой шампанскій, искристый экстазъ!
О, сколько въ лицахъ вдохновенной дрожи!
Вы, тысячи воспламенённыхъ глазъ, —
Благоговѣйныхъ, скорбныхъ, — вѣрю въ васъ:
Глаза крылатой русской молодёжи!

Я вѣрю въ васъ, а значитъ — и въ страну.
Да, вѣрю я, наперекоръ стихіи,
Что валъ растетъ, вздымающій волну,
Которая всѣ — всѣ сольетъ въ одну,
А потому — я вѣрю въ жизнь Россіи!..

1917. Ноябрь. Петроградъ.

Книги Игоря Сѣверянина.

(1913—1921 г. г.)

т. I. **«Громокипящій кубокъ».** 7 изданій к-ва «Грифъ» въ Москвѣ. 3 изданія изд-ва В. В. Пашуканиса въ Москвѣ. Всего 10 изданій въ количествѣ 31.348 экземпл.

т. II. **«Златолира».** 5 изданій изд-ва «Грифъ» въ Москвѣ. 1 изданіе В. В. Пашуканиса въ Москвѣ. 1 изд. «Земля» въ Петроградѣ. Всего 7 изданій въ колич. 12.400 экземпл.

т. III. **«Ананасы въ шампанскомъ».** 2 изданія «Наши дни» въ Москвѣ. 2 изданія В. Пашуканиса въ Москвѣ. 1 изданіе изд-ва «Земля» въ Петроградѣ. Всего 5 изданій въ колич. 12.960 экземпл.

т. IV. Victoria Regia 2 изданія изд-ва «Наши дни» въ Москвѣ. 1 изд. В. Пашуканиса въ Москвѣ. 1 изд. изд-ва «Земля» въ Петроградѣ. Всего 4 изданія въ колич. 11.550 экземпл.

т. V. **«Поэзоантрактъ».** 2 изданія изд-ва «Сѣверные дни» въ Москвѣ. Всего 4.180 экземпл.

т. VI. **«Тостъ безотвѣтный».** 1 изд. В. Пашуканиса въ Москвѣ. 1 изд. изд-ва «Земля» въ Петроградѣ. Всего 2 изд. въ колич. 9.100 экземпл.

— Всѣ изданія распроданы. —

т. VII. **«Миррэлія».** 1 изд. изд-ва «Москва» въ Берлинѣ. 3.000 экземпл.

т. XI. **«Вервэна».** 1 изд. изд-ва Odamees въ Юрьевѣ. 5.000 экземпл.

т. XII. **«Менестрэль».** 1 изд. изд-ва «Москва» въ Берлинѣ. 3.000 экземпл.

«За струнной изгородью лиры». Избранныя поэзы. 1 изд. В. Пашуканиса въ Москвѣ. 12.400 экземпл.

Créme de Violettes Избр. поэзы. 1 изд. Odamees въ Юрьевѣ. 3.000 экземпл.

Pühajògi Эстляндскія поэзы. 1 изд. Odamees въ Юрьевѣ. 5.000 экземпл.

Всего: 112.938 экземпл.

Готовятся къ печати:

т. VIII. «Ручьи въ лиліяхъ».
т. IX. «Соловей».
т. X. «Настройка лиры».
т. XIII. „Amores'
т. XIV. «Фея Eiole.

620705
LR
L882Lmir
Lotarev, Igor' Vasil'evich
Мирэлия.
«Title transliterated: Mirreliya.»

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED